
Алиса
РУБЛЕВА
Замуж
ЗА БОССА
Фиктивная свадьба

Алиса Рублева

Замуж за босса. Фиктивная свадьба

«Автор»
2026

Рублева А.

Замуж за босса. Фиктивная свадьба / А. Рублева — «Автор», 2026

— Мы расстаёмся! — слышу голос девушки в коридоре гостиницы.Выглядываю из-за двери. Это мой босс и его невеста.— Кира, — голос Славинского ровный, но в нём появляется напряжение. — У нас важное мероприятие.— Вот именно! Тебя волнует только репутация!Она уходит. Славинский смотрит ей вслед. Потом медленно поворачивается и замечает меня.Я замираю.— Я никому не скажу. Обещаю!Он сверлит меня взглядом, а потом медленно кивает.— Отлично. Значит, ты мне поможешь. Заменишь Киру и станешь моей женой.***Я всего лишь стажёрка в престижном отеле на берегу Чёрного моря. Мечтаю о карьере, держусь за своё место, стараюсь не лезть не в своё дело. Старалась Но босс не оставил мне выбора. Я сыграю роль его невесты.Одна свадьба. Один месяц притворства. Один шанс изменить свою судьбу. Проблема в том, что с каждым днём игра становится всё опаснее для сердца.

© Рублева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Инесса 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 13
Глава 5 16
Глава 6 19
Глава 7 23
Глава 8 25
Глава 9 28
Глава 10 31
Глава 11 34
Глава 12 38
Глава 13 41
Глава 14 44
Глава 15 47
Глава 16 49
Глава 17 52
Гл 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Замуж за босса. Фиктивная свадьба

Глава 1. Инесса

Открываю дверь из гостиничного люкса и слышу чьи-то голоса в коридоре. Сначала неразборчиво, а потом ясно, будто удар:

— Мы расстаёмся! — кричит женщина.

Осторожно выглядываю. Это мой босс и его невеста.

— Кира, — голос Славинского ровный, но в нём появляется напряжение. — У нас важное мероприятие. Планы.

Она яростно машет рукой, будто отмахиваясь от его слов:

— Вот именно! Тебя волнует только репутация! Я больше не хочу быть твоей декорацией!

Девушка разворачивается и уходит. Славинский смотрит ей вслед. Потом медленно поворачивается… и замечает меня.

Я не двигаюсь. Сердце колотится, как у колибри, пойманной в клетку.

— Я никому не скажу. — Мотаю головой, глядя на босса. — Обещаю.

Он сверлит меня взглядом и будто взвешивает: можно ли мне верить. А потом медленно кивает.

— Отлично. Значит, ты мне поможешь. Заменишь Киру и станешь моей женой.

***

Тот же день ранее

Не успеваю на зелёный сигнал светофора. Теперь ждать отсчёт – пятьдесят секунд. Смотрю на часы: без пятнадцати десять. Успеваю. Но у нас аврал, надо бы поторопиться.

Перевожу взгляд на здание перед собой. Оно словно сошло с рекламного буклета: стеклянный фасад сияет на солнце, отражая небо, стройные пальмы слегка колышутся от ветерка, а мраморные ступени словно зовут подняться. Отель “Лотос” — лучший в городе. И я работаю в нём. Уже целую неделю. Пока на испытательном, но если продержусь до конца месяца и проявлю себя, возьмут в штат.

У меня внутри всё щемит от волнения. Надеваю на жилетку магнитный бейдж и захожу в прохладное, пахнущее кофе и полиролью лобби.

Внутри как в муравейнике. За стойкой регистрации администраторы носятся туда-сюда, выдавая гостям ключи и рекламные буклеты. Два человека в униформе службы сервиса несут через холл конструкцию с вазонами, чтобы создать фотозону у фонтанчика. Сотрудники кейтеринга уже начали репетиции подачи блюд: в дальнем углу повар в колпаке выговаривает официанту, как нужно держать поднос. Кто-то включает презентационную музыку в холле, кто-то пишет номера на табличках.

Я прохожу мимо и направляюсь к админ-зоне. У служебной стойки стоят Юля и Оля. На обеих светло-бежевая униформа отеля с вышитым цветком лотоса на груди. Такая же, как у меня. У обеих волосы убраны в аккуратный хвост. Также, как у меня. Но, в отличие от меня, они уже опытные администраторы, знающие своё дело.

Заметив меня, Ольга поднимает глаза:

— Ну что, не проспала?

— Кофе мне в помощь, — улыбаюсь я.

Вчера я полдня отсыпалась после прошлой смены. Коллега заболела, а я с радостью согласилась подменить, чтобы заработать себе очков. Только вот не знала, что попаду в день, когда в отеле будут съёмки. Так что попыхтеть пришлось. В стиле: принеси, подай, иди на фиг, не мешай.

— Да, не повезло тебе с этим конкурсом. Только пришла и сразу такое, — вздыхает Юля.

— Держись Инесса, — подбадривает меня Оля. — Последний рывок. Ещё одно соревнование и сразу финал. А финал у нас, между прочим, не чайная церемония, а свадьба босса! — говорит она с хитрецой.

— И всё же странно, — снова вздыхает Юля. — Кто вообще придумал ставить на конкурс свадьбу босса?

Оля пожимает плечами.

— У нас же условие: оригинальное мероприятие, участие гостей, живая история. У "Империала" будет ретро кабаре, а у нас — свадьба. Не стоит забывать, что настоящая свадьба — это шоу с максимальными баллами. Если всё пойдёт гладко, "Лотос" победит. А нам потом будут премии!

Я киваю. Всё знаю, всё слышала. Правила конкурса я выучила чуть ли не наизусть ещё на собеседовании. Соревнование между двумя лучшими отелями побережья. "Лотос" и "Империал". Проверяются все категории: удобство проживания, индивидуальный подход, атмосфера, креатив. Уже прошли этапы: "самый комфортный номер", "авторская экскурсия", "шоу-программа с участием гостей". Остался кейтеринг и… финал. Самый важный. Победителю — почести на всю страну, реклама в интернете и по телевидению, ну и статус с рекомендациями, как лучший отель для отдыха.

— Надеюсь, мы выиграем, — говорю я, понизив голос.

— Не сглазь, — тут же шепчет Юля. — Я слышала, у "Империала" теперь сама Жаба Алексеевна взялась за конкурс. А у неё дурной глаз. Как бы она не прокляла нас на неудачу.

— Нормальный у неё глаз, — пресекает страшные выдумки Оля. — Жабина неприятная личность, но не ведьма. Успокойтесь, девочки. Всё будет нор-маль-но!

— Босс идёт! — охает Оля.

Я инстинктивно замираю.

Вот он?

До этого я видела его только на фото в корпоративной рассылке.

Из-за стеклянных дверей в холл входит высокий мужчина тридцати лет в идеально сидящем тёмно-синем костюме. Брюнет. Красивый, как греческий бог. Я таких только в кино видела. В роли героя-любовника. Но даже не в этом дело. Он как будто из другого слоя атмосферы. Идёт уверенно, словно вся эта гостиница, весь конкурс, весь город — это его шахматная доска. Черты лица резкие, скуластые. Плечи расправлены. Взгляд тёмных глаз... острый. Смотрит мимо, но кажется, что всё видит.

— Какой же он секс... — тихо выдыхает Юля. — Девки, как так-то? Разве законно быть таким шикарным?

— Значит, вот он какой… Игнат Славинский, — задумчиво произношу я.

— Да, — кивает Оля. — Он теперь часто будет появляться. Пока Людмила Валерьевна в декрете, Славинский будет управлять отелем вместо неё.

Я киваю. Знаю. Славинский наследник нашей сети отелей. Его родители открыли "Лотос" в две тысячи девятом, а Игнат за эти годы смог расширить бизнес до целой сети. Он не захотел ставить нового управляющего в наш отель. Решил лично довести "Лотос" до победы. Это престиж. Имя. И статус в мире гостиничного бизнеса.

Вслед за Славинским входит девушка. Роскошная, высокая блондинка. Волосы уложены идеальными локонами, чёрное обтягивающее платье сидит безупречно, макияж — будто она собралась на фотосессию. Улыбка вежливая, но холодная.

— Это его невеста, — поясняет мне Юля, видимо, заметив, что я глазею.

— Насколько знаю, — говорит Оля, — раньше она тоже работала администратором, только в другом отеле.

Они идут рядом. Он не держит её ни за руку, ни за талию. Никакого контакта. Они просто вместе.

Мы с девчонками практически синхронно приветствуем их. Славинский отвечает кивком, его невеста — лёгкой улыбкой. Не сказав нам ни слова, они направляются к лифтам.

— Что-то он какой-то... напряжённый, — шепчу я.

Юля хмыкает:

— Может, нервничает. Всё же, свадьба на глазах у всей страны.

Ольга ухмыляется:

— А может, потому что невеста — ледяная королева. Я бы на его месте тоже напряглась.

Я отвожу взгляд от их спин. Не могу смотреть на них долго. Такие величественные, идеальные, будто сошли с Олимпа. Но, странно… с ними будто что-то не так. Или мне кажется? Потому что я просто не привыкла видеть людей такого уровня.

— Послушайте, — говорю я тихо, наклоняясь к Юле и Оле. — У меня есть проект. Я полгода его разрабатывала. Это экскурсионная программа для гостей: «Гастро прогулки по Сочи». Авторская идея. Я хотела бы её предложить. Но кому? Управляющая в декрете. Как думаете, если я расскажу Игнату Владимировичу, он вообще будет слушать?

Ольга пожимает плечами:

— Попробуй. Пока он ещё здесь.

Юля мотает головой:

— Не-а. Он и слушать не станет. У него сейчас голова забита победой в конкурсе. Остальное побоку.

Я снова смотрю на Игната и его невесту. Они стоят у лифта. Девушка заходит первой, нажимает кнопку, даже не оглядывается. А он остаётся. Делает шаг в сторону и достаёт телефон.

Я прислушиваюсь.

— Мне не нужна замена, мне нужен Арсений, — говорит он резко в телефонную трубку. — Он лучший кондитер! Да! У нас через неделю кейтеринг. Он должен работать на нас.

Славинский сбрасывает звонок. Молча стоит и смотрит в окно. Строгий профиль, напряжённые плечи. И почему-то у меня возникает глупая мысль. Будто он ждёт. Меня. Или… я просто сошла с ума.

Я роняю ручку, и она скатывается за стойку ресепшена, будто подталкивая меня выйти. Сердце бухает. Это знак. Моя звезда мигает мне из вселенной. Нужно попробовать. Это мой шанс.

Прохожу через лобби и останавливаюсь рядом с боссом.

Игнат замечает меня и поворачивает голову в мою сторону.

Глава 2

Босс скользит по мне взглядом.

— Чего тебе? — спрашивает без тени улыбки. Тон у него прямой, тяжёлый, холодный.

— Здравствуйте, Игнат Владимирович. Я… я новый администратор. Меня зовут Инесса. У меня есть предложение — новая экскурсионная программа для гостей. Я всё продумала, могу рассказать сейчас, если у вас есть минутка.

Он смотрит быстро. Секунда. Будто сканирует и решает: собеседник я или помеха.

— Это входит в твои обязанности? — голос спокойный, но в нём есть что-то колючее. И усталость.

— Нет, но…

— Тогда вопрос исчерпан.

Он нажимает на кнопку вызова лифта, будто разговор окончен, но вдруг задерживает на мне взгляд.

— Инга, да?

— Инесса, — поправляю, едва слышно.

Босс ничего не говорит. Просто входит в лифт. Касается кнопки.

Двери закрываются. Чётко, без паузы.

А я остаюсь стоять, будто в лицо вылили ведро ледяной воды.

Он был резок. Не дал и минуты, чтобы высказаться. И даже имени не запомнил.

И на что я только надеялась? Как же глупо вышло. Стыдно до красных щёк.

Я быстро возвращаюсь за стойку. Не хочу, чтобы кто-то видел, как я жую обиду.

Ольга качает головой:

— Ну ты даёшь. Смело. Но не переживай, он всегда такой.

— Просто не время, — добавляет Юля. — Не вешай нос. Ещё проявишь себя.

Я киваю и сглатываю ком в горле.

Да, я себя ещё проявлю. Я упрямая.

И я верю, что шанс ещё будет.

Работа спасает меня от неприятных воспоминаний. Заезжают новые гости. Пара из Петербурга. Деловой мужчина с чемоданом на колёсиках и женщина с ярко-розовыми ногтями. Я улыбаюсь, как учили, нажимаю нужные кнопки… или почти нужные. Случайно открываю не ту вкладку, путаюсь в бронях, потом лезу в тетрадь с подсказками, чтобы всё проверить.

Оля справляется быстрее. Юля тоже. У них пальцы бегают по клавиатуре, как по пианино, а у меня всё словно в замедленной съёмке. И всё же, время пролетает незаметно.

Не замечаю, как наступает обед. Иду в наш ресторан при отеле. Сегодня для сотрудников приготовили пюрешку с гуляшом. Ставлю на поднос тарелку и компот и иду за общий стол в зоне для персонала. Жую молча, не поднимая глаз.

Стараюсь не думать об утреннем разговоре. Вернее, о том, что это даже не был разговор. А просто холодный, почти механический отказ. Славинский, наверное, если увидит меня снова, даже не вспомнит. Может, тогда и переживать не стоит?

И всё же... я не жалею, что подошла. Просто не получилось. В этот раз.

— Инесс! — Ко мне подбегает Оля с сияющим взглядом. — Я знаю, как тебя взбодрить.

— Всё нормально, — бурчу я, опуская вилку. — Правда.

— Ничего не нормально. Вот. — Она протягивает мне ключ-карту с надписью «Люкс 1501». — У меня для тебя задание. Рабочее, стажёрское. И, между прочим, важное.

Я поднимаю брови.

— Это люкс. Самый лучший номер в отеле. Ты там ещё не была, так? — Я киваю. — Вот. Иди изучай. Сравнивай его с обычным сьютом. Чем отличается, что добавлено. Записывай в блокнот всё до мелочей. А потом расскажешь мне. Проверим, насколько ты внимательная.

Улыбаюсь.

— Спасибо. Сделаю.

После обеда поднимаюсь в прохладном лифте, глядя на своё отражение в большом зеркале. Серые глаза выглядят немного уставшими. Каштановые волосы убраны в аккуратный хвост, как и положено. За бежевой форменной жилеткой — моя любимая белая блузка с пышными рукавами. Юбка от формы коротковата для моего роста, доходит только до середины колена. Но мне всё равно нравится. Форма красиво сидит по фигуре.

Двери лифта открываются на последнем этаже, и это будто другой мир. Здесь мягкий ковёр, лепнина на стенах, как на фото из дизайнерского журнала, и даже свет тут будто другой — золотистый, тёплый, отражается в зеркалах, словно солнце заперли внутри. А ещё здесь тихо. Не слышно той суматохи, что творится внизу.

Открываю номер и замираю. Тут пахнет свежестью и чем-то дорогим, вроде духов, но ненавязчиво. Кровать с высоким изголовьем накрыта лиловым шёлковым покрывалом. На подушках нашивки с логотипом «Лотоса».

Пишу в блокнот: кровать — king size, изголовье мягкое, постель идеальна.

Дальше: шкаф, мини-бар, кофемашина, чайник, даже бинокль на треноге у окна.

Пишу: бинокль — бонус. Оригинально.

Смотрю в окно. Вид на море потрясающий. Не просто на кусочек воды между домами, как из моей съёмной квартиры. А настоящее, широкое, блестящее море. Я даже подхожу ближе и прижимаюсь лбом к стеклу. Там внизу пальмы, машины, люди. А тут — тишина и покой. Вид, как в кино.

Я провожу рукой по покрывалу. Холодный шёлк струится под пальцами.

Интересно, какие люди здесь спят? Те, у кого не дрожат руки перед разговором с начальством. Кто не путается в программах. Кто не боится мечтать вслух.

Я закрываю блокнот. Всё записала. Пора возвращаться.

Открываю дверь и слышу чьи-то голоса, сначала неразборчиво, а потом ясно, будто удар:

— Мы расстаёмся! — кричит женщина.

Осторожно выглядываю. Это невеста Славинского. Стоит напротив Игната, и её лицо уже не как у богини — идеальное и невозмутимое, сейчас оно живое, взволнованное. Она яростно машет рукой, будто отбрасывает его слова.

— Живи сам, как хочешь!

— Кира, — голос у Игната ровный, но в нём появляется напряжение. — У нас важное мероприятие. Планы.

— Вот именно! — она почти смеётся, но это смех отчаяния. — Тебя волнует только репутация! Твои дурацкие отели и соревнования! Тебе плевать на меня. Ты меня не замечаешь! Мне надоело быть “декорацией” твоей красивой жизни!

Она разворачивается и уходит. Её тяжёлый топот не глушит даже ковролин.

Игнат остаётся стоять. Смотрит ей вслед. Потом медленно поворачивается… и замечает меня.

Я не двигаюсь. Сердце колотится, как у колибри, пойманной в клетку.

Славинский делает шаг в мою сторону. Ещё шаг. Он останавливается возле меня. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, оправдаться… Но он не говорит ни слова. Просто берёт меня за руку. Резко, но не грубо. И затаскивает в люкс, из которого только что вышел.

Дверь захлопывается за моей спиной.

Глава 3

Я стою посреди дорогого люкса, всё ещё не веря, что только что стала свидетельницей их ссоры. Моя рука с блокнотом слегка дрожит, когда Игнат поворачивается ко мне. В его взгляде нет ярости, только холодный расчёт — будто я не человек, а переменная в уравнении, которую нужно срочно подставить, чтобы всё снова сошлось.

— Как много ты слышала? — его голос тихий, но напряжение в нём ощущается сильнее, чем если бы он кричал.

— Не всё... — Я отвожу взгляд. — Но я никому не скажу. Обещаю.

Он продолжает смотреть, будто взвешивает: можно ли мне верить. Потом медленно кивает, подходит к столику и наливает себе воду.

— Отлично. Значит, ты мне поможешь.

— Что?.. — я моргаю. — В смысле?

— У нас свадьба через три недели. Это часть конкурса. Показательное мероприятие, финал. Мои родители прилетают через два дня, чтобы, наконец, познакомиться с Кирой. Но Киры больше нет. И мне срочнонужна замена.

— Подождите. Вы хотите, чтобы я... притворилась вашей невестой? — говорю и не верю, что произношу такое.

— Догадливая, — он лукаво усмехается. — Всего на три недели. Заменишь Киру. Побудешь рядом. Мы пройдём это шоу, получим победу. А потом всё. Родители и СМИ уедут. Мы устроим якобы медовый месяц. И дальше каждый пойдёт своей дорогой. Я тоже уеду. А ты останешься здесь. Будешь работать, как и раньше. Если захочешь.

Три недели… Почти месяц. У меня внутри всё сжимается. Я стажёр. Стажёр в отеле его семьи. Я не могу.

— Но все знают, что Кира — ваша невеста. Я даже не похожа на неё. Как я её заменю?

— Родители с ней не знакомы, они увидят её — то есть тебя — впервые. На публике мы почти не появлялись, в соцсетях и прессе тоже. Для конкурсной комиссии ты тоже в новинку. Кира не участвовала в мероприятиях и здесь почти не бывала. Так что для всех, кто важен, ты единственная невеста. Если кто-то из персонала задаст лишние вопросы, я решу.

Я отступаю на шаг, упираюсь спиной в стену. Сердце будто подпрыгивает и падает.

— Вы так хорошо всё продумали. Но я не смогу. Это... это неправильно. Я просто стажёр.

— Вот именно. Стажёр. — Игнат подходит ко мне, почти крадётся, как лев, загоняющий добычу. Останавливается в шаге от меня и заглядывает мне в глаза. — И это твой шанс. Поможешь мне, и я гарантирую тебе постоянную должность. Плюс премия — один миллион рублей. И твой проект приму. Что ты там хотела? Без проблем. Запустим. Назовёшь как хочешь.

Я качаю головой.

— Это не то, ради чего я готова выходить замуж за первого встречного.

— Это фиктивно, — сухо говорит он. — Документов не будет. Только видимость. Я всё устрою так, что никто не узнает. И ничего сложного не будет. Поужинаешь с моими родителями, послушаешь тосты, поулыбаешься в камеру. Я так понимаю, ты инициативная? Так вот, это твой путь наверх.

Я опускаю взгляд. Меня терзают противоречия. Хочется отказаться — и хочется согласиться. Хочется сохранить лицо — и хочется схватиться за возможность.

— А если я откажусь?

Его голос становится ещё тише, почти нежным. Но не потому, что он добр, а потому, что точно знает, куда бить.

— Тогда потеряешь работу, возможности, перспективу. Я не буду этому рад, но ты пойми: хорошие рекомендации ты вряд ли получишь. Совсем без работы не останешься. Наверняка к продавщицам сувениров требования невысокие, так что…

— Это шантаж!

— Это бизнес. — Игнат пожимает плечами. — Я просто даю тебе все аргументы, чтобы ты не упустила шанс из-за своих предрассудков.

— Это не предрассудки. Это... это личные границы.

— И они у тебя останутся. Я не монстр. Мы заключим договор. В письменной форме. Все условия пропишем чётко. И ты сыграешь свою роль.

Я обхватываю себя руками.

— Почему бы не сказать родителям честно, что вы с Кирой расстались?

— Потому что меня не могут бросить. Это удар по репутации. Если невеста ушла, значит, я в ней ошибся. А я не могу ошибаться. Ни в бизнесе, ни в личных делах.

— Тогда скажите, что сами её бросили.

— Родители не поймут. Это несерьёзно. Нельзя принять такое важное решение и передумать. — Он вздыхает, сжимает пальцами переносицу и устало говорит: — Я должен быть стабильным. Стабильный, значит — надёжный. Это всё, что тебе нужно знать. Ты справишься. У тебя ухоженная внешность, ты доброжелательна. Остальное неважно.

Сердце заходится ещё быстрее. Он считает меня ухоженной и доброй. Ох...

Я смотрю на него.

— Можно мне время, чтобы подумать?

— Сколько?

— Хотя бы день.

Он усмехается. И вдруг отвечает строго, нетерпеливо:

— У тебя один час.

— Но…

— Через час жду тебя здесь. — И добавляет чуть мягче, как бы подгоняя меня: — Ты свободна.

Он поворачивается и выходит на балкон, как будто всё решено. Как будто моё мнение уже не имеет значения.

Я выхожу из номера, и только тогда замечаю, как дрожат пальцы.

Иду по коридору, пока в голове шумит, как в вагоне метро. Телефон звонит. Это Женя, с прошлого места работы. Радостная, быстрая, как всегда:

— Ты куда вообще пропала? Как там твой отель? Неужели настолько загружают?

— Вроде того.

— Слушай, Инесс, я что хотела… Ты же говорила, что скучаешь по прогулкам. А я тут велик арендовала. Давай вечером прокатимся по набережной? Ветер, закат… Как в старые добрые времена!

— Не получится... — выдыхаю я. — У меня тут... дела.

— Всё нормально? — взволнованно интересуется подруга.

— Почти. Потом расскажу.

Я отключаюсь и снова замираю у окна в коридоре. Что я теряю, если соглашусь? По сути, ничего. Отношений у меня сейчас нет. А тут нужно всего лишь сыграть роль. Временно. И если я это сделаю, у меня будет шанс. Должность, реализация проекта, возможность быть кем-то. Быть на виду.

А если откажусь… Славинский легко сотрёт меня из системы. Испортит мне рекомендации. И мне придётся начинать с нуля. Где-нибудь в хостеле на окраине, с грязными простынями и бабушками с авоськами. А может, и туда не возьмут… Вообще никуда не возьмут.

Я спускаюсь на ресепшен. К счастью, гостей на заселение нет, и Оля с Юлей разрешают мне продолжить изучать номерной фонд. Я с облегчением выдыхаю, что не придётся выдумывать оправдания, где я пропадаю в разгар рабочего дня. Не могу же я рассказать им правду. Но как я вообще им всё объясню, если соглашусь на сделку с Игнатом?

Когда время на раздумья выходит, я возвращаюсь к люксу. Славинский открывает мне дверь с двумя бокалами с шипучим напитком.

Глава 4

Один из бокалов Славинский протягивает мне с деловитым видом, будто я уже дала своё согласие. Он спокоен, уверен. Наверное, уверенность у него в крови, как будто мир сам собой выстраивается в колонну, стоит ему только щёлкнуть пальцами. И это восхищает. И выводит из себя одновременно. Как можно быть настолько уверенным в чужом решении?

Я принимаю бокал не потому что хочу отметить нашу сделку, а просто… из вежливости. Прохожу в дорогой люкс. Сейчас я будто впервые его оглядываю. Он похож на тот, что я изучала. То же лиловое покрывало и бинокль на треноге у окна. Мягкий свет бра отбрасывает золотистые отсветы на бежевые стены. Пахнет чем-то дорогим… древесным и немного острым, как запах костюма Игната.

— Я согласна, — говорю, и сама удивляюсь, как просто это звучит. Ни дрожи, ни паузы. Словно отвечаю "да" на выбор десерта в ресторане.

Он улыбается краешками губ. Ничуть не удивлён. Не тронут. Всё же, для него это было ожидаемо.

— Я в тебе не ошибся. Ты умная девушка, Инга.

Я приоткрываю рот, чтобы поправить его, но он опережает меня с хитрой полуулыбкой.

— Инесса. Я помню, — и добавляет, просто, как факт: — Забавно смущаешься.

— Тебя это веселит? — Я заглядываю ему в глаза. Внутри всё вдруг сжимается, сердце пропускает удар.

— Немного.

Его взгляд… как вечернее море: спокойный, глубокий, и всё же в нём чувствуется подводное течение, способное унести куда-то далеко.

И тут я понимаю, что совсем забылась. Уточняю:

— Я же могу называть тебя на "ты"? Правильно?

Конечно, да… А как иначе? И всё же… это так странно, непривычно.

Он молча кивает и отпивает из бокала. Я делаю глоток следом. Сладкий напиток с лёгкой кислинкой. Пузырьки щекочут язык, тепло растекается по груди, чуть приглушая внутреннюю дрожь.

— И вот ещё, — говорит он и лезет в карман пиджака.

Я вздрагиваю. А Игнат достаёт на свет маленькую коробочку. Белый, как снег, бархат.

Славинский открывает её с лукавым взглядом, будто это не символ вечной любви, а средство, с помощью которого он может ещё больше смутить меня. Внутри кольцо. На золотом обруче красуется огромный бриллиант, сверкающий тысячей огней в свете солнца. Но почему-то от его блеска мне становится зябко.

Игнат берёт мою руку, тёплую, чуть влажную от волнения, и аккуратно, даже нежно надевает кольцо.

— Подходит, — говорит, будто речь идёт о часах или перчатках.

А у меня сердце в груди сжимается. Я замена. Замена его невесты. И мне подошло её кольцо.

Я чувствую, как между пальцами зудит лёгкий страх. А потом мы с Игнатом чокаемся. Бокалы звенят негромко, и этот звон, как печать в нашем договоре. Обратного пути нет.

Не пожалею ли я о своём решении? Обычно вселенная подаёт мне знаки. А сейчас что?

Мы садимся на диван. Славинский наливает ещё по чуть-чуть. А я в этот момент вижу, как из окна падает солнечный блик. Он отражается от стеклянной вазы на столике и скользит по стене, как золотая рыбка в аквариуме. Я невольно слежу за этим пятном, пока оно не замирает на белой рамке с чёрно-белым фото старого отеля. А потом исчезает в нём. Словно кто-то смог ненадолго коснуться чего-то мрачного, тайны… скрывающейся в прошлом. И потонул в ней.

Это и есть знак? Предостережение? Или я накрутила себя до невозможности?

— Расскажи мне что-нибудь о себе. — Голос Славинского отвлекает от тревожных мыслей. — Надо же хоть немного узнать мою невесту.

— Ладно. — Я перевожу дыхание и стараюсь сосредоточиться. — Раньше я работала в отеле “Черноморский” один год. А до этого получила профильное образование. Гостиничное дело.

Игнат одобрительно кивает.

— Похвально. А чем ты увлекаешься?

— Увлекаюсь? — Я устремляю взгляд к потолку. — Мм… Я люблю витражи. Рисую их, чтобы расслабиться.

Игнат смотрит на меня с лёгким подозрением. Будто я это выдумала.

— И какие рисуешь? Существующие или выдумываешь свои?

— И те и те.

— Необычно. — Славинский отпивает из своего бокала и оглядывает меня, будто изучая. В его взгляде едва уловимое лукавство, будто он наслаждается происходящим. — И мой любимый вопрос… Чего ты боишься?

— Боюсь? — Я закусываю костяшку пальца.

— Все чего-то боятся.

— Боюсь прыгать в воду с высоты. Даже с бортика. Всё детство бабушка звала это «грехом нерешительности».

— Грехом? — он усмехается. — Строгая у тебя бабушка.

Я киваю. Взгляд снова соскальзывает на кольцо. Нереально. Будто это сон.

— А ты? — неуверенно спрашиваю. Мне всё ещё неловко обращаться к боссу на “ты”, да и сидеть с ним вот так… в его люксе. — Расскажи о себе.

— Я напишу тебе всё необходимое. Почитаешь.

Никакой взаимности. Он играет со мной. Берёт что хочет, и ничего не даёт взамен. Ему можно говорить со мной так… спрашивать, что захочет, смущать меня, быть резким, ставить условия… Мне — нельзя.

Славинский вздыхает. Сейчас он выглядит расслабленным. Не такой, как утром. Видимо, у них с Кирой давно назревал конфликт. А теперь Игнат нашёл более лояльную замену, и как будто успокоился. Даже поразительно, с какой лёгкостью он это сделал. Как перегоревшую лампочку заменить.

Он ставит бокал и говорит спокойно:

— Придётся сделать вид, что ты живёшь здесь. Для правдоподобности. Люкс большой. Иногда будем ночевать вместе. Ну, чтобы не было подозрений. А в остальное время можешь ездить к себе.

Я моргаю.

— Ты здесь живёшь?

— Да. Мой дом в Краснодаре. Так что пока конкурс не закончится, я в “Лотосе”.

Молча киваю. Снова смотрю на кольцо. Красивое… Безупречное. Но оно не несёт в себе никакой искренности. Я перевожу взгляд на Игната. Он смотрит в сторону, будто позволяя мне прикоснуться взглядом к его величественной фигуре. Это только игра. По-настоящему я бы не смогла быть с таким мужчиной. Он из другой вселенной. Недоступной мне. А это кольцо на моём пальце, как украденный билет в мир, куда простым смертным нельзя.

— Хорошо. — Я выпрямляюсь. — Если это нужно для достоверности.

Он кивает.

— А сегодня? Я могу ночевать у себя или?.. — спрашиваю почти шёпотом.

Почему-то от мысли, что мне придётся остаться с ним наедине на целую ночь, в горле пересыхает. Я даже не понимаю, какие эмоции у меня это вызывает. Очень… смешанные.

Он смотрит на меня, задумчиво почёсывая щетину на подбородке.
— Сегодня…

Глава 5

Я смотрю на Славинского с замиранием сердца несколько долгих секунд, и, наконец, он отвечает:

— Сегодня нет.

Я выдыхаю. Мне не нужно будет ночевать в его люксе. Хорошо. А то бы я с ума сошла от волнения.

— Хорошо. Тогда… что мне теперь делать?

Игнат улыбается краешками губ.

— Возвращайся к работе. Скоро пришлю тебе на почту договор и информацию о себе.

— Поняла. — Я поднимаюсь, ощущая, как подгибаются колени, и начинаю пятиться к выходу. — Я пойду. До свидания.

Он ничего не отвечает, просто смотрит.

Я вся — раскалённый нерв. Закрываю за собой дверь, как спасательный люк, отрезая себя от божественного босса, который явно упивается моим смущением. И только в этот момент снова могу дышать ровно.

На ресепшен я возвращаюсь с видом человека, которого внезапно назначили шпионкой. Или невестой, что, пожалуй, страшнее.

Стараюсь вести себя как обычно. Но пальцы дрожат так, будто по мне проходит разряд тока. Только в этот момент замечаю кольцо на своей руке. Сердце чуть из груди не выпрыгивает. Я уходила без него. А если Оля с Юлей заметят? Я отворачиваюсь и быстро, как преступник, снимаю кольцо с пальца, будто если ещё хоть немного помедлю, меня раскроют. Украшение падает в кармашек жилета. И я выдыхаю.

Я стараюсь держать себя в руках, но получается скверно. То листовки со стойки случайно опрокину, то долго смотрю в экран, пока гость нетерпеливо топает ногой, и не могу найти нужную папку, хотя она была прямо передо мной.

Оля с Юлей переглядываются.

— Ну как тебе люкс? — Оля внимательно заглядывает мне в глаза.

— Красивый, — выдаю максимально ровным голосом. — Очень светлый.

— Ага, — хмыкает Юля. — Что-то ты взвинчена.

— Немного кофе, и всё пройдёт, — лепечу я и прячу глаза.

Они явно чувствуют, что со мной что-то происходит, но к счастью, не понимают, что именно. Надеюсь, спишут это на простое волнение новенькой. Игнат сказал, что сам решит вопрос с персоналом. Вот я и не буду пока ничего говорить.

Вечером я сижу в комнате отдыха с кружкой кофе. Экран телефона вспыхивает. Пришло письмо от Славинского. Открываю его.

Ни приветствий, ни отступлений, сразу информация:

“Родился в Москве, учился в Лондоне (финансы), два года работал в Сингапуре, затем вернулся и развил семейную сеть отелей. Хобби: верховая езда, плавание, путешествия”.

Суховато, — заключаю я, отпивая ещё кофе.

“На правой ягодице родимое пятно в форме птицы”.

Кофе попадает не в то горло. Я закашливаюсь. Вытираю губы салфеткой, давя улыбку.

А вот это уже что-то личное. Пожалуй, да, невеста должна знать такое.

Больше информации нет. Но к письму прикреплён документ “Контракт”. Скачиваю и читаю.

Там всё, как мы и обсуждали: месяц фиктивных отношений, публичное участие в мероприятиях, имидж, взаимная выгода. И ещё один пункт. Я перечитываю его дважды:

“В течение срока действия контракта запрещены любые личные или романтические связи на стороне”.

Вот это… неожиданно. В общем-то, логично. У меня и мыслей не было, чтобы что-то строить на стороне и подвергать всю сделку риску. У меня и времени на это не будет. И всё же… почему-то этот пункт особенно запоминается мне.

Или родимое пятно в форме птицы?.. Я не определилась.

Ещё раз внимательно перечитав контракт, я убираю телефон в сторону и откидываюсь на спинку кресла. Ну и ну… Я и подумать не могла, что со мной случится Такое!

Ночью в отеле тихо. Мне даже удаётся поспать в комнате отдыха два часа. В голове неразбериха. Сны странные, урывками. То я стою в свадебном платье посреди холла “Лотоса”, то пытаюсь убежать по коридорам отеля, а ноги будто ватные.

Утром нас сменяют другие администраторы. Я уезжаю домой отсыпаться. Падаю в кровать в своей крошечной квартирке и просыпаюсь только после обеда. Голова тяжёлая, во рту пересохло. Я привожу себя в порядок, выпиваю две чашки кофе с молоком и сахаром и звоню Жене.

— Поехали на великах покатаемся. Как ты хотела. Сможешь?

— Поехали! — радостно откликается подруга.

Мне нужно развеяться. Очень нужно. Проветрить голову и немного отвлечься от мыслей о своей новой роли.

Мы катаемся вдоль побережья. Ветер играет в волосах, и мне впервые за эти сутки становится легко. Женя болтает:

— Что там с вашей свадьбой в отеле? Не передумал ваш босс женится?

Да, совсем отвлечься от этого не получится.

— Не передумал, вроде…

— Обалдеть, да?!

— Да… Думаю, после такой жертвы, отель просто обязан победить в соревновании.

— Почему жертвы?

Я прикусываю кончик языка. Блин. Ляпнула же. Не скажу же я Жене, что Славинский женится на первой встречной ради победы. И эта первая встречная — я.

— Это я так… образно. Всё же, там столько людей будет, журналисты. Не каждый такую свадьбу захочет.

— Не знаю, не знаю… — протягивает Женя. — Я бы хотела. Но мне такая свадьба точно никогда не светит. Вот если бы хотя бы гостем на таком событии побывать… Уже классно. — Подруга вздыхает. — Эх, была бы я важной птицей, может, и меня бы пригласили. А так хоть в окно подглядывай.

При слове “птица” у меня на губах появляется улыбка. Я молчу.

К счастью, больше о свадьбе мы не говорим.

Вечером я возвращаюсь домой. Завтра у меня рабочая смена. И стоит только подумать об этом, меня сразу бросает в жар. Вот-вот должны приехать родители Игната. Я не знаю, когда точно. Наверное, завтра или послезавтра… Как всё пройдёт? Как держаться и не подвести его? Понравлюсь ли я им?

Я открываю Википедию. Читаю информацию о семье Игната. Его родители — бизнесмены. Помимо отелей, у них есть и другие бизнесы: рестораны, турфирмы, логистическая компания… В сети полно статей о новых сделках, открытии каких-то предприятий, встречах, благотворительности… Эта семья на виду у общества.

Мама Игната, Анастасия Егоровна — красивая, ухоженная женщина. У неё острый, внимательный взгляд и тонкие губы. На всех снимках она плотно их сжимает, будто всегда сосредоточена. А его отец, Владимир Павлович, солидный мужчина с наполовину седыми волосами, зачёсанными назад, и добрыми, блёкло-голубыми глазами.

Почему-то мне кажется, что с папой будет куда легче, чем с мамой. Но внешность бывает обманчива, не знаю… посмотрим.

Я ещё долго изучаю википедию и другие сайты, а потом ложусь спать. Жаль, что только один выходной. График сдвинулся: отпускники, конкурс, суматоха. Завтра — снова в бой.

На следующее утро приезжаю на смену. Оля и Юля уже там.

— Выспалась? — с улыбкой спрашивает Юля.

— Почти, — грустно усмехаюсь.

— Ты сегодня пободрее, — замечает Оля.

Наверное, адреналин в крови придаёт сил.

Я приступаю к работе и чувствую внутреннюю дрожь. От Игната ничего не слышно. Он больше не писал и не звонил, не давал никаких инструкций. И в отеле его сейчас нет. Странно как-то… Может, он передумал? Может, это была проверка? Или шутка?

Спустя час я перебираю бумаги, когда дверь распахивается и в отель заходит Игнат. Мы втроём оборачиваемся на него. Он идёт через лобби, словно в сцене из фильма. Высокий, собранный, строгий. В дорогом, тёмно-сером костюме. Славинский направляется прямо к нам. Ко мне.

— Инесса. — Он останавливается перед стойкой, и жестом подзывает меня подойти.

Я смотрю ему в глаза в нерешительности, будто жду подтверждения, что он серьёзен. Он едва заметно кивает. Я опускаю папки и выхожу из-за стойки, чувствуя, как Юля и Оля прожигают мою спину внимательными взглядами.

Подхожу к Игнату. Он берёт меня за руку. И в следующий момент всё происходит за одну секунду.

Он нежно обхватывает мою талию рукой, притягивает к себе и… целует. Его губы касаются моих уверенно… даже жадно, горячо. Время распадается на атомы. Всё исчезает: люди, стойка, воздух. Остаётся только этот момент. Эти прикосновения. У меня голова начинает кружиться.

Мир качается. Я ощущаю удары сердца у себя в горле. То, что сейчас происходит... Стыдно, страшно. Но… мне нравится.

Когда Славинский отстраняется, я ошеломлённо смотрю ему в глаза. В них снова та же игра. Маска.

Я оборачиваюсь. Оля и Юля застыли с раскрытыми ртами. Брови — вверх, челюсти — вниз. Театр в трёх актах.

Глава 6

Я смотрю на своих коллег в замешательстве. Открываю и закрываю рот. Игнат берет инициативу на себя:

— Вы всё правильно поняли, девушки. Инесса — моя невеста. Прошу не доставать её ненужными расспросами.

Оля и Юля кивают, с полными недоумения глазами.

— Инесса, пойдем со мной.

Он отходит в сторону, а я так и стою у ресепшена, как вкопанная. И тут у Игната звонит телефон. Он показывает жестом подождать и отходит, чтобы поговорить. В это время Юля едва слышно говорит мне:

— Инесса?

В глазах коллег вопрос. Я понимаю, что оставить их совсем без объяснений будет неправильно. Все же, девчонки хорошо ко мне относятся и с первого дня помогали мне.

Я оглядываюсь на Игната. Он внимательно слушает собеседника на том конце трубки, не обращая на нас внимание. Смотрю на девчонок и киваю:

— Да, это не шутка и не розыгрыш.

— Но как? — спрашивает Оля с круглыми по пять рублей глазами. — А как же Кира?

Юля ей шепчет:

— Я же говорила, как-то она подозрительно долго в этом люксе была… Но чтобы вот так! — Она качает головой. На ее лице отражается то ли недоумение, то ли восхищение.

Я стараюсь держаться спокойно, но в голосе проявляется растерянность:

— Девочки, я честно не планировала ничего такого. Всё случилось быстро. Кира и Игнат давно расстались, просто… он никому не говорил. Наверное, было тяжело.

Оля смотрит на меня нахмурившись.

— Ну хорошо. А вы когда успели?.. У вас же свадьба через месяц. Это что, любовь с первого взгляда?

Я вздыхаю и перевожу взгляд на Игната. Он все еще говорит по телефону, но жестом зовет меня подойти. Я киваю.

— Девочки, мы с ним познакомились ещё до моего прихода.

— Где?

— На море… Я каталась на велике, а он… плавал. Один.

— На общем пляже?

— Там никого не было. Но да… Я сама сначала не понимала, как всё так произошло. Между нами будто что-то щёлкнуло. Всё закрутилось быстро, но тихо. Он не хотел выносить это на всеобщее обсуждение. Представьте, Кира только ушла, а тут уже я. Скандал же.

Я делаю паузу, перевожу дыхание. Эту легенду я придумала пока пыталась уснуть ночью, на всякий случай, и вот, пригодилась.

— А тут конкурс, журналисты, эксперты… — продолжаю я. — Эта идея со свадьбой всплыла, когда мы уже решили пожениться. Ну вот и настала пора раскрыть карты. Просто получилось странно по срокам. Но так иногда бывает. Надеюсь, вы нас поймёте.

— Я в шоке, — только и протягивает Юля.

— Я тоже, — соглашается Оля. — Но Инесс… это здорово! — Она улыбается. — Поздравляю тебя.

— Да Инесс, сорвала джекпот! — хихикает Юля.

— Спасибо, девочки.

Я иду к Игнату. Он все еще говорит и, завидев меня, нажимает на кнопку вызова лифта.

После разговора с Олей и Юлей остается неприятный осадок. Девчонки, конечно, старались проявить дружелюбие, но вряд ли они в восторге оттого, что я, получается, обманывала их все время.

Мы поднимаемся на этаж, где находится люкс Славинского. Заходим в номер. Еще десять минут Игнат говорит по телефону, судя по разговору, с каким-то бизнес-партнером. Я сижу на диване и жду. Когда Славинский заканчивает, он достает из портфеля бумаги и протягивает мне.

— Наш контракт. Электронную версию ты видела, если хочешь, можешь перечитать. Тебя устраивают условия?

— Да, все в порядке.

Я еще раз пробегаюсь глазами по условиям и ставлю свою подпись.

— Вот и все, партнёр. — Он с улыбкой подмигивает мне. — Самое сложное позади.

— Ну, как сказать.

Он садится рядом со мной.

— Боишься встречи с родителями?

— Да.

— Не переживай. Тебе не нужно их очаровывать. Ты же моя невеста. Главное, будь убедительна в своих чувствах ко мне. Остальное неважно. Не робей.

— Буду стараться.

Он одобрительно кивает, и я говорю:

— Кстати, если тебе интересно, я объяснилась перед коллегами. Сказала, что вы с Кирой давно расстались, а мы с тобой познакомились еще до моего прихода, но мы не оглашали отношения.

Игнат хмурится и смотрит на меня задумчиво, будто анализирует мой поступок. А потом говорит после паузы:

— Хвалю, Инесса. Находчиво. Очень. Лишний раз убеждаюсь, что я не зря сделал на тебя ставку.

Я густо краснею.

— Спасибо.

Славинский поднимается. Проходит к столу и наливает себе воды из графина.

— Когда будет знакомство с твоими родителями?

— Сегодня.

Я задерживаю дыхание. Да, я предполагала, он же говорил, что через два дня… Но мысль о том, что это случится так скоро, буквально в считанные часы, наводит на меня панику.

Игнат замечает, как я нервно кусаю губу и заламываю пальцы.

— Даже если будешь вот так робеть при них, все получится. Спишут на обычное волнение из-за знакомства. Никто не догадается, Инесса. Не волнуйся об этом.

— Хорошо. — Я начинаю глубоко дышать, стараясь привести в норму сердцебиение.

— Родители будут через два часа. Ориентировочно. Мы встретим их здесь, познакомимся, и они пойдут отдыхать с дороги. А вечером ужин.

Игнат достает из-под стола три больших пакета с логотипом дорогого бренда одежды и протягивает их мне.

— Это тебе. Наряды на выход. Моя невеста должна одеваться соответствующе. Примерь что-нибудь.

Я принимаю пакеты, продолжая смущенно краснеть. Заглядываю в них. Вижу краешек на вид очень дорогой ткани. Чувствую от обновок запах… так пахнет в элитных бутиках, где я была исключительно только чтобы поглазеть на витрины.

— Можешь переодеться в ванной, — добавляет Игнат.

Я киваю и ухожу в просторную ванную комнату. Оставляю на спинке кресла свою одежду и достаю из первого пакета кремовое платье. Шелк легко скользит по телу. Я смотрю на себя в зеркало.

Платье красиво подчеркивает фигуру. Оно не в облипку, просто очень изящное и женственное. На бретелях и с юбкой чуть ниже колена.

В этом же пакете нахожу пакетик поменьше. В нем лежат украшения: серьги-гвоздики и золотой браслет, усыпанный белыми камнями. Если это бриллианты, даже не представляю сколько все это стоит. Такое в сейфе надо хранить, под замком…

Все это так странно, так волнительно. Я никогда в жизни не носила таких вещей. Я за всю жизнь столько не заработала, сколько все это должно стоить. Даже интересно, после нашей сделки Игнат заберет все обратно? Я спокойно отдам. Такого в нашем уговоре не было, а мне чужого не надо.

Я выхожу из ванной и кручусь перед Игнатом, демонстрируя платье со всех сторон. Чувствую себя принцессой. Красивой, нарядной, значимой.

— Тебе идут бриллианты. — Игнат смотрит на меня оценивающим взглядом, и по его глазам вижу, что он остался доволен.

— Спасибо, Игнат, — я осекаюсь. На секунду расслабилась и будто забыла, что это все не по настоящему. — Я никогда не носила таких вещей. Спасибо за такую возможность, — говорю с улыбкой.

Он кивает с видом довольного кота, который только что навернул миску сметаны.

— Пожалуйста.

Славинский берет со стола карту и протягивает мне.

Принимаю от него черный пластик.

— Как сменишь все наряды, купи себе что-нибудь ещё в этом же стиле.

— Хорошо.

— Что-нибудь из вещей оставь у меня, остальные можешь забрать домой. Пока что ты свободна. Как только родители прилетят, я тебе позвоню.

— Буду ждать.

— И на сегодня я вызвал тебе замену на ресепшен. Пока на работу нет времени. Но позже к работе вернешься.

— Конечно.

Я уже иду к выходу, когда Игнат добавляет вдогонку:

— И сегодня ты ночуешь у меня.

Я замираю в дверях. Не оборачиваюсь, чтобы он не увидел, как я покраснела.

— Хорошо, — быстро бурчу и скрываюсь за дверью.

Снова это чувство, будто в его присутствии мне сложно дышать. Не из-за страха, а от смущения, от количества новой информации и эмоций. Или просто от того, что я не привыкла общаться с людьми его уровня. Пока я киваю и со всем соглашаюсь, все нормально. Но что, если что-то пойдет не так? Если я случайно сделаю что-то, что не понравится Игнату? Даже думать боюсь, что тогда будет.

Два часа пролетают в сборах, как одна секунда. Я делаю макияж и прическу у зеркала в одном из свободных номеров. Потом стою, глядя на дверь, и приглаживаю платье. Игнат вот-вот должен позвонить. И вот… телефонный звонок.

— Они на месте. Идем.

В животе холодеет, будто я стою у края сцены, а занавес вот-вот поднимется.

Всё. Следующий шаг — в чужую, почти театральную жизнь.

Момент X наступает не громом, а шелестом ткани и шепотом каблуков по полу.

Игнат ждет меня у лифта. Я подхожу, и он задерживает на мне свой взгляд чуть дольше обычного.

— Готова?

Я киваю.

Он протягивает руку, словно приглашает не просто войти в лифт, а перейти грань.

Я кладу свою ладонь в его.

И он сжимает ее, будто пытается подбодрить. И это прикосновение… первое, в котором нет игры. Или мне хочется так думать?

Глава 7

Мы с Игнатом идём через лобби отеля, держась за руки. Все взгляды прикованы к нам. Оля и Юля смотрят поражённо, не отрывая глаз. Но не только персонал наблюдает, даже гости на нас оборачиваются, будто понимая, что мы не обычная пара. Славинский наверняка привык к такому вниманию, а вот я в новой роли ощущаю себя, как не в своей тарелке. Будто я дублерша, заменившая основную актрису. Вроде и внешне подхожу, и роль знаю, но всё равно… я не она.

Мы выходим через главные двери отеля. На подъездной дорожке уже стоит чёрный «Майбах». Из него вальяжно выходит женщина. Высокая, стройная, с идеальной укладкой каштановых волос и крупными тёмными очками на лице. Следом за ней — мужчина в классическом костюме, но без галстука. Расслабленный, невозмутимый, будто приехал не на знакомство с невестой сына, а в магазин за продуктами. Хотя такие, как родители Игната, наверное, за продуктами не ходят. Это делает их прислуга.

— Ну вот и они, — негромко говорит Игнат.

Я слышу, как у меня в ушах начинает шуметь кровь. Моя ладонь, которую всё ещё сжимает Игнат, становится влажной.

— Улыбайся. Мы жених и невеста. Влюблённые. Всё хорошо, — шепчет он с механической доброжелательностью.

Он не поворачивает ко мне голову, не смотрит в глаза. Просто сжимает мою руку чуть сильнее. То ли для поддержки. То ли предупреждая, чтобы собралась.

— Мам, пап, — он отпускает мою руку и идёт навстречу родителям. — Добро пожаловать!

Мать снимает очки. Её глаза цвета льда. Улыбка появляется на губах сразу же, как будто она репетировала её в зеркале.

— Здравствуй, Игнат. Мы соскучились. — Она обнимает сына всего на секунду, будто из вежливости, а потом задерживает взгляд на мне. — А это твоя невеста.

— Да. Знакомься. Инесса. Инесс, это моя мама, Анастасия Егоровна.

Я делаю шаг вперёд и протягиваю руку. Мама Игната касается её легко, как будто не хочет испачкаться. Лицо всё ещё улыбается, но во взгляде читается вопрос: и что ты в ней нашёл?

— Очень приятно, — говорю я. Голос звучит ровно, но я чувствую, как холодеют пальцы.

— Инесс, а это мой отец, Владимир Павлович.

Отец Игната кивает. Без лишних слов. Он выглядит уставшим, или просто равнодушным. Я тоже киваю ему в ответ и улыбаюсь со всем добродушием, на которое способна.

— Как долетели? — спрашивает Игнат.

— Да как обычно, — пожимает плечами отец.

— Нормально, сын. Давно мы не были в Лотосе. Так что, предвкушали. — Она вздыхает полной грудью. — Запах моря потрясающий.

Мы проходим в холл. Два беллбоя в униформе отеля тут же подхватывают чемоданы родителей. Анастасия Егоровна осматривает пространство, как инспектор. Даже вазон с орхидеями удостаивается её скептического прищура.

— Мы проводим вас до номера, — сообщает Игнат.

Лифт поднимает нас на верхний этаж. Весь путь проходит в вежливом молчании. Когда дверь открывается, мама снова улыбается.

— Надеюсь, люкс подготовили, как следует?

— Конечно, мам. Никакой едкой химии и застарелой пыли в труднодоступный местах. Я лично проверил всё до последнего плафона на люстре.

— Прекрасно. — Она поворачивается ко мне. — Инесса, ты прелесть. Очень милая.

Но это звучит так, будто она говорит "какая занятная статуэтка" про неуклюжий сувенир.

Я улыбаюсь ей, не зная, удалось ли мне скрыть напряжение, которое я ощущаю от этой встречи.

Родители уходят в свой номер. А мы в номер Игната. Он бросает ключ-карту на тумбочку и стягивает пиджак.

— Ну? — спрашиваю. — Твой вердикт?

Он отвечает, наливая себе воды из графина:

— Ты не упала в обморок и не сбежала в панике. Уже неплохо. Дальше посмотрим.

Я снимаю туфли и сажусь на диван.

— Я думаю, я не понравилась твоей маме.

— Я же говорил, ты не должна ей нравиться. Твоя задача вести себя так, чтобы они поверили в наш союз, — сухо отвечает Игнат, не глядя на меня.

Он выпивает стакан воды и садится в кресло, достаёт телефон и листает в нём что-то.

Я чувствую, что сердце готово вырваться из груди. Мама, как я и предполагала, сложный человек. И я… глупо, но всё же, надеялась на поддержку Игната. Но ему неважно, что я чувствую, ему главное, чтобы внешне я была спокойна и справлялась со своей ролью.

Я вздыхаю. Справиться будет не так легко. А я ещё и поделиться своим секретом ни с кем не могу. Придётся проживать всё в одиночку, рассчитывая только на себя.

— Ужин с родителями сегодня в восемь, — сообщает Игнат. — Мама будет расспрашивать тебя. Захочет узнать, что ты за человек. Справишься?

Киваю.

Конечно. Я же всю жизнь мечтала о свекрови со взглядом, как у акулы. Только у Анастасии Егоровны вместо зубов — комплименты.

— Я же могу рассказывать о себе всё, как есть?

— В рамках приличий, да.

— Из неприличного в моей жизни только наша авантюра, — усмехаюсь я. — Но обэтом я, конечно, молчок.

Игнат едва заметно усмехается.

— Будь осторожна. Если что-то не будешь знать или запутаешься, лучше молчи, я выйду из положения. — А потом добавляет уже серьёзно: — У матери интуиция, как у сапёра.

— Она тебе что-то сказала сегодня? — спрашиваю, чувствуя гулкие удары сердца в груди. — Она сомневается?

Он сильнее сжимает телефон.

— Просто подозреваю, что она будет проверять тебя за ужином. Очень тщательно.

Глава 8

Я смотрю на Игната с надеждой. Может, он пошутил, и всё не так страшно?

— Значит, мама будет тщательно проверять меня? — переспрашиваю я. — И как, например?

— Будет наблюдать. Что-нибудь спрашивать. Но ещё раз говорю: тебе бояться нечего, если сможешь изобразить любовь. Матери важно, чтобы невеста была со мной не из-за денег. Но ты и не похожа на охотницу за богатствами. Думаю, ты справишься.

— Ладно. Буду стараться. Обратного пути нет.

— Молодец. — Он одобрительно кивает.

На этот раз я собираюсь в люксе Игната. Он тактично оставляет меня одну, так что весь номер в моём распоряжении. Для ужина в ресторане я переодеваюсь во второе платье из подаренных мне сегодня. Тёмно-синее, струящееся до щиколоток, с открытой спиной.

К обозначенному времени мы с Игнатом приезжаем в ресторан "Альто Море". Он находится на скале, и как раз сейчас здесь открывается потрясающий вид на закат. Внутри окна во всю стену, мозаичный пол с морскими ракушками, живая музыка. Всё очень... концептуально.

— Это любимое место мамы, — шепчет Игнат на входе. — Она считает, что здесь готовят лучше, чем в Риме.

Я мысленно присвистываю. Сама я в ресторанах такого масштаба никогда не была.

Мы подходим к столику. Родители уже на месте. Мама в лёгком платье горчичного цвета о чём-то спрашивает официанта. Отец в белом костюме, снова без галстука листает винную карту, будто это утренний кроссворд.

Мы садимся с другой стороны круглого стола. Я открываю своё меню. От цен глаза лезут на лоб. Но мне нельзя подавать виду. Девушка круга Игната должна быть привыкшей к такому. Боже… и всё же, я чувствую себя инопланетянкой в их обществе.

Когда заказ сделан, Анастасия Егоровна спрашивает с присущей ей улыбкой:

— Инесса, расскажи о себе. Откуда ты родом? Чем занимается твоя семья?

— Конечно, — отвечаю, стараясь держаться уверенно. — Я родилась в деревне в Ростовской области. Училась в колледже, а потом в университете в Ростове-на-Дону по специальности гостиничное дело. Своих родителей я не помню. Меня воспитывала бабушка. Но её не стало два года назад. — Я перевожу дыхание. — Так что, у меня нет семьи.

— Но скоро будет, — говорит Игнат, обнимая меня за талию и прижимая к себе. Я чувствую, как крепко его пальцы сжимают мой бок, будто приводя в чувства.

Он, наверное, подумал, что я забылась со своим рассказом, вот и ляпнула, что у меня никого нет. А по факту-то есть… Игнат.

На секунду за столом становится тихо. Даже музыка где-то вдалеке звучит глуше.

— Соболезную, Инесса, — механически говорит мама. — Тяжело терять близких.

Она вежлива. Но во взгляде — почти незаметная складка. Как будто она оценивает меня: из деревни, без родителей, воспитывалась бабушкой. Впустить ли в семью такого человека?

Я не вор и не преступник, но под её взглядом чувствую, будто делаю что-то неправильное. Владимир Павлович тоже на меня смотрит. Только совсем без эмоций. Понятия не имею, что у него в голове.

— Ты хочешь детей, Инесса? — огорошивает меня Анастасия Егоровна.

Я перевожу взгляд на Игната, будто примеряя такую возможность с ним.

— Да. Мальчика и девочку.

Игнат улыбается и целует меня в краешек губ.

— Моя ты красавица. Такая искренняя. Правда, мам? — говорит он с лёгкой улыбкой и снова прижимает к себе.

— Да, — скептически глядя на меня, отвечает она.

А мне уже и не так страшно. Мне от показного комплимента и поцелуя Игната хочется растечься, как масло по хлебушку. Хоть это всё и не по-настоящему.

— Как ваша поездка в Берн? Вы были в том новомодном театре? — спрашивает у родителей Игнат.

И я благодарна ему, что он сместил фокус внимания с меня. Дальше разговор уходит в тему путешествий.

Нам подают основное блюдо — морского чёрта с лимонным соусом и каперсами. Официант, видимо, новичок, чересчур старается. Он очень важно выкладывает тарелки, будто вручает награды. Я впервые пробую такое необычное блюдо. Мясо у рыбы нежное и сочное, почти без косточек. Это невероятно вкусно. Чертовски, я бы сказала.

Вскоре разговор о путешествиях сходит на нет, папа уходит подышать на воздух, а мы с мамой и Игнатом остаёмся за столом. Анастасия Егоровна снова переключается на меня:

— Инесса, скажи, Игнат удовлетворяет тебя в постели?

Я резко вздыхаю от удивления, и кусок рыбы попадает не в то горло. Я начинаю краснеть и кашлять. И пусть лучше она думает, что я краснею оттого, что задыхаюсь, а не из-за её вопроса.

— Воды! — командует официанту Игнат. И уже тише добавляет: — Мам, ну ты чего?

Стакан воды появляется передо мной в считаные секунды. К счастью, я быстро прокашливаюсь и смачиваю горло, выпив всё до дна. Игнат обнимает меня за плечи. Я поднимаю взгляд на Анастасию Егоровну, и она по-прежнему невозмутима.

— Полегче? — спрашивает она.

— Да, спасибо, — отвечаю скрипуче и утираю выступившие из-за кашля слёзы.

— Ну так что? — Она хищно улыбается и подпирает рукой подбородок.

И вот тут, к моему счастью, подходит тот самый официант-новичок. Он наклоняется к Анастасии Егоровне, чтобы подать новое блюдо, случайно задевает локтем высокий фужер с минеральной водой, и тот проливается прямо ей на колени.

Холодная, шипучая. Вода моментально оставляет огромное мокрое пятно на её платье. Я охаю и закрываю рот ладошкой. Мне сейчас не её жаль. Мне за официанта страшно. Всё вокруг замирает на полсекунды.

— Простите! Простите, пожалуйста! — вскрикивает официант с таким взглядом, будто от извинений зависит его жизнь. Парень начинает метаться, как курица в грозу. — Простите! Я сейчас всё исправлю!

Он хватает салфетку, но тут же роняет её на пол. В этот момент как раз возвращается папа. Он окидывает происходящее невозмутимым взглядом и садится на своё место.

— Не надо! — Анастасия Егоровна останавливает официанта командирским тоном. — Я сама справлюсь. Уберите на столе и принесите мне новый бокал.

— Сию минуту! — отзывается парень.

Она поднимается из-за стола и смотрит на своё платье с каменным лицом. Её губы напряжённо растянуты в «ничего страшного», но в глазах такая буря, что если бы взглядом можно было поджечь ресторан, то уже бы горели шторы. Думаю, больше “Альто Море” не будет в списке её любимых заведений.

Она уходит в дамскую комнату, а официант сначала протирает стол, а потом заменяет промокший стул. В это время Игнат извиняется и куда-то уходит. А я остаюсь наедине с Владимиром Павловичем. Он стряхивает со своего пиджака невидимые пылинки и осматривает, не попали ли брызги на его стул. Он ни о чём меня не спрашивает. К сожалению, или к счастью… не знаю.

Игнат возвращается через пять минут. Анастасия Егоровна через десять в абсолютно сухом платье. Будто и не было ничего.

— Прости, мам, — говорит Игнат. — Я поговорил с управляющим. Ужин за их счёт.

Ничего себе. Целый ужин за пролитый стакан воды. Обычно могут принести десерт в качестве извинений. А тут оплата огромного счёта. И с кого её спишут? С несчастного официанта?

— Спасибо, сын. Хоть платье это и не вернёт. Теперь только выбрасывать, — вздыхает она. — Закрыли тему.

Почему выбрасывать? Я не поняла…

— Они же вычтут сумму из зарплаты официанта, — шепчу Игнату.

— Это его проблемы. Он знает, в каком месте работает.

Я сглатываю ком в горле. Всё равно неприятно. Понимаю, что парнишка сам виноват. И всё же, для Славинских этот счёт — копейки. Они бы его никак не ощутили. А вот для официанта это может быть половиной зарплаты.

В остальном наш вечер проходит без происшествий. Официанты продолжают приносить блюда, мама комментирует каждую подачу. Отец ест молча, и иногда обменивается с Игнатом взглядами, смысл которых понимают только они двое.

А я стараюсь быть вежливой, но в груди всё туже скручивается пружина: я не нравлюсь Анастасии Егоровне. Я слишком простая. Не та. И отвечаю неправильно. Радует только то, что к своему вопросу Анастасия Егоровна не вернулась. После происшествия с официантом, её внимание и критика больше сместились на сам ресторан. А я ушла на второй план. Будто обо мне она уже сделала выводы. Ну, или решила продолжить в другой раз, огорошив меня каким-нибудь ещё вопросом.

После ужина мы выходим во двор ресторана. У входа нас уже ждут два “Майбаха”. Родители садятся в свой, а мы подходим ко второму. Славинский открывает передо мной дверь. Я сажусь в машину. В салоне пахнет лавандой и кожей. Игнат наклоняется ко мне и говорит:

— Я на минуту.

Я киваю, а он уходит обратно в ресторан. Возвращается буквально через две минуты и садится назад, рядом со мной. Пока мы едем по вечернему городу, полному ярких огней, Игнат говорит:

— Я оплатил ужин. Только родителям не рассказывай.

Смотрю на него удивлённо.

— Зачем? Если всё за счёт ресторана.

Он пожимает плечами, откидывается на спинку кресла и говорит, как бы между делом:

— Жалостливая ты.

Он произносит это с лёгкой улыбкой, без злости и осуждения.

Сердце ухает. Я закусываю губу и задерживаю дыхание. Он сделал это для меня. Приятно. С ума сойти…

Вскоре мы возвращаемся в “Лотос”. Вместе с родителями поднимаемся на наш этаж. Они коротко прощаются, желают спокойной ночи и уходят в свой номер. А мы… мы идём в люкс Игната. Сегодня я ночую у него. Пытаюсь представить, как это будет выглядеть, и… не могу.

Глава 9

Дверь люкса закрывается за нами, и я сразу чувствую, как напряжение чуть отпускает. Здесь хотя бы нет ледяного взгляда Анастасии Егоровны.

Я скидываю туфли, сажусь на диван и тру уставшие ноги. А Игнат молча направляется к гардеробной, вытаскивает домашнюю одежду и бросает через плечо:

— Я в душ.

— Конечно, — тихо говорю я, хотя он уже скрылся в ванной.

Я остаюсь одна. В номере тихо, только кондиционер еле слышно шелестит. Я брожу по комнате, не зная, куда себя деть. Выхожу на балкон и осматриваю вечерний город. Берег горит тысячей огней, а вдали чёрная гладь моря. Воздух пахнет хвоей, морем и чем-то цветочным, наверное, жасмин на террасе ниже.

Возвращаюсь в комнату и смотрю на кофейный столик. На нём лежат журналы, пара папок с описанием спа-услуг и меню рум-сервиса. Всё выглядит безупречно. Ни одной лишней вещи. Ни единого следа, что здесь действительно живут.

Звук воды стихает, и спустя минуту дверь ванной открывается. Я слышу, как Славинский выходит, и, когда поднимаю глаза, на секунду замираю.

Игнат босиком, в одних спортивных шортах. Его торс будто вырезан из мрамора. Чёткие линии мышц, но не перекачанные, а живые, подвижные. Как у гимнаста или пловца. Капли воды стекают по его загорелой коже. Он как греческий бог, вышедший из своей купальни.

Я резко отворачиваюсь к журнальному столику, будто вспомнила, что давно хотела изучить цены на спа-услуги.

— Можешь идти, — говорит он с нейтральной улыбкой. — Если что-то не найдёшь, спрашивай.

— Спасибо, — киваю, хватая пижаму и бельё, и проскальзываю мимо него в ванную.

За дверью я выдыхаю. Сердце колотится так, будто я только что пробежала марафон. Мысленно ругаю себя: Инесса, ты взрослая женщина, ну что за взгляды? Будто мужчину без футболки никогда не видела.

Такого… никогда.

Это не мальчишка, и не нескладный мужичок на пляже. Это мужчина. Безупречный, выточенный, во всей своей красе.

Снимаю одежду и чувствую, как щёки снова заливает жар. Я совсем голая, а за стеной он… Мой босс, с которым я заключила контракт на фиктивные отношения. Мой фиктивный жених. Стоять под душем, зная, что он там, всего в паре метров… это странно. И к моему стыду, немного возбуждающе. Но и пугает в то же время. Ох, и сложно же это всё.

Открываю стеклянную дверцу душевой и включаю воду. Тепло. Спокойно. Обращаю внимание на полку с тюбиками. На ней не только мужские средства, есть и женские: шампунь с розой, гель с ванилью, мицеллярная вода. Я смотрю на них с подозрением. Это он специально для нашей легенды всё расставил? Или… они остались от Киры? Почему-то второй вариант неприятен.

Пахнущая розой пена стекает по плечам. Я мою волосы, лицо, потом тело, стараясь ни о чём не думать. Просто закрываю глаза и позволяю воде смыть с меня нервозность сегодняшнего дня.

После душа быстро закутываюсь в полотенце и сушу волосы феном. Потом вытираю за собой воду с пола, мою руки и надеваю пижаму. Мягкую, хлопковую, голубую с маленькими сердечками. Она почти как детская. Но зато точно не сексуальная. Мне не хотелось спать в короткой ночнушке в одной комнате с мужчиной, который мне не муж и даже не парень. А вот эта пижама закрытая и уютная. То, что нужно, чтобы никого не смущать.

Перед зеркалом оцениваю результат. Волосы пушатся, щёки ещё чуть красные после душа. Пижама скрывает всё до щиколоток. Отлично.

Возникает другой вопрос: кто где будет спать?

Кровать в номере одна. Большая, королевская. Но диван тоже вполне сносный. Интересно, как Игнат распределит спальные места? Я даже немного надеюсь, что он, как джентльмен, предложит мне кровать. Или наоборот — если оставит себе, значит, не считает нужным быть вежливым.

Выдыхаю, собираюсь с духом и выхожу.

Игнат полулежит на кровати, опираясь на подушки. На фоне включён телевизор. Ноги скрыты под тонким одеялом. Славинский отрывает взгляд от телефона, который держит в руках, и оглядывает меня с головы до ног, не особо это скрывая.

— Мило, — замечает он, кивая на пижаму. — Очень… целомудренно.

— Спасибо, — говорю я сухо. — А где постельное бельё для дивана?

Он смотрит на меня, как будто не понял вопроса.

— Какое бельё?

— Ну… для дивана. Не без него же спать.

Он усмехается.

— Ты будешь спать со мной. На кровати.

Я замираю.

— Что?

— Кровать большая. Не вижу смысла играть в стесняшку. Да и трогать я тебя не собираюсь.

— Я не играю. Просто… это неприлично.

Игнат поднимает одну бровь.

— А заключать фиктивные отношения со своим боссом прилично?

Я охаю.

— Ты… Я… Это другое. — Я складываю руки на груди. — Я так не могу. Это слишком.

Я понимаю, всё понимаю. Но почему-то мысль о том, чтобы вот так сразу ложиться в одну кровать, спать рядом с ним… меня смущает. Ведь он и правда мой босс, и мы почти не знакомы. Бабушка точно бы покачала головой и сказала, что это поступок легкодоступной девки.

Игнат откидывается назад, закрывает глаза на секунду и тяжело вздыхает.

— Господи, — шепчет. — Инесса, у меня был тяжёлый день. А скоро ещё предстоит пережить кейтеринг перед комиссией. Неужели ты думаешь, что мне хочется бодаться с тобой ради того, чтобы залезть к тебе под одеяло?

— Дело не в этом! — повышаю голос. — Просто… я не могу! Не сейчас!

— Значит, никогда! — Игнат вспыхивает, как спичка, подхватив моё раздражение. — Ты хочешь на диван? Отлично.

Он резко встаёт, подходит к шкафу, открывает его, выхватывает аккуратно сложенное бельё и почти швыряет мне.

— Вот. Наслаждайся. Я себе спину на диване ломать не собираюсь. Мои поцелуи на людях тебя не смущают! А вот просто поспать рядом ты не можешь.

Я прижимаю к себе бельё и отворачиваюсь. На глаза выступают слёзы.

Поцелуи меня тоже смущали. Ещё как. И нравились… Но смущали. Ну что я виновата, что не готова к такому интимному моменту вот так сразу? А для меня спать рядом с мужчиной, это не просто условность. Во сне мы расслаблены и беззащитны. Это особенное состояние, которое не станешь делить с чужим человеком.

— Я думала, играть нужно только на людях.

Славинский уже лежит под одеялом на боку и не смотрит на меня.

— Бельё я тебе дал. Какие ещё вопросы? — раздражённо бросает он, подминая под себя подушку.

— Никаких, — отвечаю тихо.

Я молча застилаю диван и ложусь лицом в потолок. Игнат гасит торшер.

Сон не идёт. Слышу, что Игнат тоже ворочается. Комок в груди не даёт мне нормально дышать. И больше всего обидно не то, что я сплю на диване, а то, как Славинский отчитал меня всего лишь за то, что у меня есть личные границы. Он сделал это с таким раздражением, безразличием, грубостью, будто и не было той теплоты сегодня за ужином. Всё же, всё это лишь его умелая игра. И ничего настоящего в ней нет. А я… всего лишь подставное лицо в спектакле его жизни.

Глава 10

Просыпаюсь от стука в дверь.

— Игнат, — доносится приглушённый голос. — Я могу войти?

Я резко открываю глаза. Мой мозг ещё в полусне, но имя, произнесённое женским голосом, сразу возвращает в реальность. Анастасия Егоровна. Она за дверью.

Я не успеваю даже вскочить, а Игнат уже на ногах. Он подлетает к дивану, хватает меня, и прежде чем я понимаю, что происходит, я оказываюсь в его объятиях. Он поднимает меня, как будто я ничего не вешу, и быстро перекладывает на кровать. Сердце колотится, как у воробья.

В этот момент дёргается ручка двери.

Игнат молниеносно срывает постельное бельё с дивана, сминает его в комок и закидывает в ванную. Потом выпрямляется, идёт к двери и чуть приоткрывает её. Он уже не взъерошенный, не ошарашенный, он снова тот самый Игнат Славинский, хладнокровный и собранный.

— Чего, мам? — недовольно спрашивает он.

Анастасия Егоровна заглядывает в комнату. Игнат чуть отступает в сторону. Я лежу в кровати, натянув на себя одеяло до подбородка. Её взгляд цепляет меня, на губах появляется довольная улыбка.

— Доброе утро, Инесса, — говорит она почти ласково.

— Доброе, — с растерянной улыбкой отвечаю я.

Она обращается к сыну:

— Зайди к нам с папой, как освободишься.

— Ладно.

Дверь закрывается.

Я делаю глубокий вдох.

Игнат уже натягивает рубашку. Быстро и аккуратно одновременно. Он застёгивает пуговицы, не глядя на меня.

— Я пойду узнаю, что она хотела, — говорит он ровно. — Убери постельное бельё в шкаф.

— Хорошо, — отвечаю тихо.

Он выходит не оборачиваясь.

Я остаюсь одна. Сажусь на край кровати и смотрю на приоткрытую дверь ванной, за которой валяется скомканное одеяло.

Мы чуть не попались. А всё потому, что я вчера пошла на принцип. Зато Игнат среагировал, как герой в боевике. Спокойно, быстро, эффективно. Не растерялся. Я и сообразить ничего не успела, а он уже всё сделал.

И всё же… вчера он мог быть чуть менее резок. Мог хотя бы попытаться меня понять. А вместо этого — накричал. И по его сегодняшнему тону понимаю, что злится он до сих пор.

Вчера в ресторане мы неплохо сыграли пару. Мне даже показалось, что мы смогли немного наладить общение. А вот ночью в номере из-за этой ссоры откатили всё назад.

Я встаю. Собираю постельное бельё в стопку и убираю его в шкаф. Потом умываюсь и принимаю душ. Надеваю свежую форму администратора. Волосы в хвост, минимум макияжа, только чтобы не выглядеть уставшей. Посматриваю на время. Игната всё нет.

И вот, когда я уже собираюсь выйти, дверь открывается. Он входит, в деловом костюме, с телефоном в руке. На лице снова маска безразличия.

— Родители уезжают на два дня, — говорит он. — По делам в Краснодар.

— Понятно.

— Я тоже уезжаю. Вернусь только ко дню кейтеринга. Не раньше.

— Хорошо, — говорю спокойно.

Он оглядывает меня.

— Ты на работу?

— Да. У меня сегодня смена.

Кивает.

— Иди. — И открывает мне дверь, чтобы я вышла из его номера. Выглядит это именно так. Что он пропускает меня не из вежливости, а чтобы ушла поскорее и не отвлекала от дел. Я как раскладушка в комнате, когда не нужна, её тут же убирают с глаз, чтобы не занимала пространство.

Я спускаюсь на рабочее место и приступаю к своей смене. На ресепшене поток людей. Рутинные звонки, бронирования, проверка номеров, улыбки постояльцам и экспертам конкурса, которые тоже живут у нас и ставят за всё баллы. Оля и Юля интересуются, как прошло знакомство с родителями. Я отвечаю шутя:

— Не так страшно, как я думала.

— Эх, повезло же тебе, — с придыханием говорит Юля.

Оля кивает, соглашаясь с ней:

— Да. На свадьбу-то пригласишь?

— Конечно. Тем более что и ходить далеко не надо.

— Тогда придём обязательно! — с энтузиазмом кивает Юля.

Я не знаю, как реагировать. Улыбаюсь. От девчонок чувствуется такт, даже осторожность. Будто они уже воспринимают меня не просто коллегой, а человеком, который может повлиять на их работу.

Следующим утром, когда заканчивается смена, я возвращаюсь домой и сплю без задних мыслей. Долго и крепко. Вечером проверяю телефон. Ни звонка, ни сообщения от Игната. Он и не должен. Но просто интересно: он всё ещё злится?

Я стараюсь не уходить в тяжёлые мысли, поэтому всё время до дня кейтеринга занимаюсь своими обычными делами. Готовка, рисование, фильмы и прогулки.

В день соревнования я собираюсь ехать в отель. Сегодня у меня выходной. Но я должна быть на конкурсе вместе с Игнатом. Надеваю третье платье из тех, что он подарил. Тёмно-зелёное, шёлковое с белым кружевом в зоне декольте и юбкой до колена. Чем-то оно напоминает мне ночнушку. Но я слышала про такие вещи, вроде называется: бельевой стиль.

Получается, что на этом платье мои наряды закончатся. А Игнат говорил, чтобы я купила новые, как сменю те, что он подарил. Значит, нужно будет в ближайшее время съездить в какой-нибудь торговый центр.

Я приезжаю в отель и иду в кабинет Игната. Стучу и слышу его голос:

— Войдите.

Прохожу в просторный, светлый кабинет с мебелью из матового стекла, металла и белой кожи. Игнат стоит у окна, в белой рубашке с закатанными рукавами, и смотрит на море.

— Доброе утро, — говорю я.

Он поворачивается. В лице всё та же сдержанность, отстранённость. Глаза холодные, но голос вежливый:

— Скоро поедем.

— Хорошо. Я готова.

— Родители тоже будут наблюдать за соревнованием. А ещё эксперты, журналисты, камеры.

— Я понимаю.

Он кивает.

— Постарайся играть влюблённость убедительно. Все будут смотреть.

Я выпрямляюсь.

— Всё, как договаривались. Можешь не переживать.

Он смотрит на меня пару секунд с задумчивым видом, а потом говорит:

— Давай проверим.

— Как?

Славинский отвечает ровно, почти безэмоционально, но в глазах что-то вспыхивает:

— Подойди ко мне и поцелуй. Так, чтобы я поверил.

Набираю в грудь воздуха.

Это вызов? Или просьба?

Я делаю шаг в его сторону. Ещё один, и ещё. Встаю напротив и поднимаю голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Глава 11

Он хочет, чтобы я его поцеловала.

Ладно.

Но я не могу решить, как это сделать. Мне обнять его, или не касаться?

Вроде это просто поцелуй… Ну что такого? Мы ведь уже целовались. Но до этого Игнат сам проявлял инициативу, а мне оставалось лишь подыграть. А сейчас он хочет, чтобы я действовала сама. И почему-то именно в этот момент, когда мне дали полную волю, я чувствую себя скованно.

Мы стоим в его кабинете. На столе ноутбук, вокруг деловые бумаги, папки, кожаное офисное кресло… и он… мой босс. Стоит и ждёт, пока я его поцелую.

— Просто расслабься, — шепчет, почти мурлычет, как дьявол над ухом.

И я подчиняюсь. Отпускаю все страхи и встаю на носочки. Скольжу ладонями вверх по его груди и обнимаю за плечи.

Я сделаю это так, как я хочу, не заморачиваясь насчёт того, что он подумает.

Закрываю глаза и касаюсь его губ. Он приоткрывает их мне навстречу. Я провожу языком по нижней губе, а потом делаю наш поцелуй глубже. Игнат мгновенно перенимает инициативу, подхватывает меня за талию и усаживает на свой стол. Ох!

Я случайно сметаю рукой какие-то листы, и они с шелестом летят на пол. А потом снова обнимаю Игната. Глажу его мощные руки и спину, не отрываясь от его губ. Наш поцелуй становится жарким, глубоким, жадным до сбившегося дыхания. Я покусываю Игната за нижнюю губу, а потом он отвечает мне тем же. И это ни капли не больно, напротив, только усиливает желание. Его ладони движутся по моей спине, скользят вниз, оставляя за собой дрожь. Где-то внутри всё натянуто, как струна, и я чувствую, как она начинает вибрировать: тонко, болезненно сладко. Мне хочется большего.

Я обхватываю лицо Игната руками. Отстраняюсь, смотрю в его глаза, в которых отчётливо читается желание, а потом оставляю ещё один короткий поцелуй на его горячих губах, и отстраняюсь окончательно.

— Достаточно убедительно? — смотрю на него с вызовом.

Он отходит и расстёгивает верхнюю пуговицу на рубашке.

— Вполне, — отвечает, тяжело дыша.

— Отлично. — Я спрыгиваю со стола. — Значит, я прошла проверку. Когда поедем?

— Сейчас. Дай мне пять минут.

Он садится в кресло, устало откинувшись на спинку.

Я иду к двери.

— Хорошо. Я буду в лобби.

Выхожу из кабинета с довольной улыбкой до ушей. Радуюсь даже не столько из-за поцелуя, хоть он и был шикарным, сколько из-за того, что я смогла выбить Славинского из равновесия.

Он человек, который всегда контролирует ситуацию, знает, что делает, всегда собран и сосредоточен… А сейчас сидит в своём кабинете, возбуждённый и сбитый с толку, и это я сделала. Я смогла повлиять на Такого мужчину. Я не просто наёмная сотрудница и невеста по контракту, я вывожу его на настоящие эмоции, в этот раз явно положительные! И это так… приятно. Не могу понять, почему меня это так радует. Но я будто почувствовала свою маленькую власть над таким влиятельным мужчиной. И это льстит.

Я пью кофе, сидя на диванчике в лобби. Игнат выходит через десять минут. Он снова собран и сдержан. Волосы аккуратно зачёсаны, костюм сидит идеально.

Я поднимаюсь и иду ему навстречу.

— Едем?

— Да, — отвечает, поправляя ворот пиджака.

Встаю на носочки и чмокаю его в щёку. Он смотрит на меня с одобрительной улыбкой. Беру его за руку, крепкую, горячую, сухую… и мы вместе выходим из отеля под взгляды гостей и сотрудников. Я больше не чувствую скованности и смущения. Напротив, этот поцелуй будто выкрутил на максимум мою уверенность. У меня такое чувство, что я горы готова свернуть.

Мы приезжаем на побережье, где будет проходить конкурс. Ярко-голубое море, нагретое солнцем, колышет пену у берега. Где-то над водой кричат чайки. Пахнет солью, рыбой и дорогим парфюмом. Потихоньку собираются гости, а отели готовятся к конкурсу.

На песке установлен большой белый шатёр с полупрозрачными стенками. В нём будут сидеть эксперты, журналисты и почётные гости. По обе стороны от него — два лагеря. Слева шатёр и летняя кухня "Империала", вычурная, в золотистых оттенках. Справа — наша зона. "Лотос" выбрал минимализм: светлое дерево, зелень, стекло и мягкие тканевые навесы. Выглядит уютно, дорого и со вкусом.

На пляже кипит жизнь. Фотографы щёлкают затворами, официанты в униформе разносят напитки, кто-то пробует закуски, обсуждает прогнозы. Окружающая обстановка наполнена гомоном голосов, музыкой из колонок и плеском волн. Жюри ещё не прибыло, но атмосфера уже напряжённая, как перед началом большого спектакля.

Я знаю правила: ведущий объявит задание — три блюда, которые команды должны будут приготовить. Например, салат, суп и десерт. Или птицу, запеканку и тушёное. Команды узнают тему только в последний момент. На выполнение у всех есть один час. Оценивать будут: вкус, подачу, обслуживание и общую атмосферу. Соревнуются настоящие повара и официанты из ресторанов при отелях. Это не игра — это как финал Олимпиады, только по кейтерингу.

Мы с Игнатом идём вдоль шатра нашего отеля и проверяем, всё ли в порядке. Шеф-повар наблюдает, как официанты прогоняют маршрут подачи. На всех лицах сосредоточенность. Все понимают, как много значит эта победа для "Лотоса".

Игнат хмурится, оглядываясь по сторонам.

— Где Арсений? — спрашивает он.

— Должен быть где-то здесь, — отвечает шеф осматриваясь.

Игнат молча достаёт телефон.

Через минуту к нам подходит высокий, опрятный молодой человек в жилете и с планшетом.

— Где Арсений? — коротко спрашивает Славинский.

— Его такси попало в аварию. Он в порядке, сам позвонил. Будет с минуты на минуту.

— Почему я узнаю об этом только сейчас? — голос Игната срывается. Он на нервах.

— Он обещал, что вот-вот будет. Мы успеваем. Не хотели беспокоить вас.

Игнат сжимает челюсть и отводит взгляд куда-то вдаль. Я осторожно касаюсь его руки. Поглаживаю, успокаиваю. Он даже не смотрит. Его мышцы напряжены, словно они из камня.

Через пару минут подходят его родители. Анастасия Егоровна в дорогом белом брючном костюме и с безупречно уложенными волосами. Владимир Павлович в лёгком льняном костюме добродушно улыбается нам.

— Инесса. Игнат. Прекрасно выглядите, — говорит мама.

Я улыбаюсь.

— Спасибо. Вы тоже.

Она переводит взгляд на сына:

— Всё готово? Никаких форс-мажоров?

— Да, — сдержанно отвечает он.

— Мы рассчитываем на тебя, сын. Не подведи. Доведи отель до победы.

У Игната на лице начинают играть желваки, но отвечает он спокойно:

— Разумеется. Нам пора. Нужно ещё раз всех проверить. Увидимся.

Он уводит меня в сторону, будто хочет скрыться от родителей как можно дальше.

Мы уходим в кухонную зону. Там царит предстартовая тишина. Повара проверяют ножи, специи, температуру духовок. Кто-то переставляет салфетки, убирают со столов лишнее. Все готовы, только один человек отсутствует.

И вот вбегает Арсений. В белом кителе, растрёпанный, но целый. Его глаза блестят. Он машет рукой:

— Я здесь! Простите за опоздание, была жесть.

Игнат выдыхает, на долю секунды закрывает глаза, будто даёт себе разрешение на эмоцию. Потом резко собирается, проходит вперёд и оборачивается к своей команде.

— Слушайте, произносит он, — привлекая внимание.

Все замирают и обращают свои взгляды на Игната. Подтягивается и шеф, и все остальные из персонала “Лотоса”. Когда все в сборе, он продолжает:

— Я знаю, как вы работали. Знаю, сколько вы вложили в подготовку. Вы не просто повара и официанты. Вы художники, вы армия! У нас есть всё, чтобы победить. Так покажите, на что вы способны. Не думайте о конкурентах. Работайте, как вы умеете — с душой. Давайте сделаем так, чтобы имя "Лотос" стало синонимом вкуса и стиля. Вперёд!

Команда отвечает:

— Да! Сделаем им! Мы победим!

Все начинают хлопать и улюлюкать, демонстрируя боевой настрой. Я тоже хлопаю. Чувствую такой заряд бодрости и вдохновения. Очень хочется победить.

Игнат удовлетворённо кивает.

Убедившись, что всё готово, мы идём в главный шатёр. Люди уже рассаживаются по местам. На столах бутылки воды, бланки, ручки. Щёлкают фотокамеры, кто-то поправляет на себе одежду, кто-то смеётся, снимая на телефон сторис.

Я замечаю за столиком в другом конце шатра Жабину Викторию Алексеевну, владелицу Империала. Худую, холёную женщину с идеально уложенными светлыми волосами и лицом, натянутым до блеска. Она сидит прямо как балерина, но над воротом её шёлковой блузки, словно насмешка, висит второй подбородок — круглый и упругий, как у лягушки. На руках у неё мелко дрожит коричневая чихуахуа в стразах.

— А вот и наша конкурентка, — тихо говорю я, кивком указывая на Викторию Алексеевну. — Сидит, как на троне. Только корону забыла.

Игнат едва заметно усмехается:

— Зато чихуахуа при ней. Значит, всё серьёзно.

Я хихикаю.

— Надо поздороваться.

Мы подходим к столику Жабиной. Завидев нас, она тут же поднимается, не выпуская свою собачку из рук.

— Игнат Владимирович, рада видеть, — произносит она с явной неискренностью.

— Виктория Алексеевна, моё почтение. — Игнат пожимает ей руку. — Это Инесса Викторовна, — представляет меня без лишних ролей.

Я тоже пожимаю ей руку.

— Рада знакомству, Виктория Алексеевна.

— Я тоже, — всё тем же тоном отвечает она.

— Удачи на конкурсе, — с улыбкой говорит Игнат.

Чихуахуа задорно тявкает. Жабина дёргается.

— И мы с Федей тоже желаем вам удачи, — отвечает она.

Мы раскланиваемся и уходим. Настоящий акт лицемерия. После этого разговора хочется помыться.

Садимся за наш столик, рядом с родителями Игната. Музыка стихает. К микрофону выходит ведущий — мужчина лет сорока, с бодрым голосом и профессиональной улыбкой.

— Добрый день, дамы и господа! Мы рады приветствовать вас на гастрономическом поединке лучших отелей побережья! Сегодня “Лотос” и “Империал” поборются за звание абсолютного чемпиона кейтеринга.

В зале становится тише. Ведущий продолжает:

— Итак, внимание!

Я задерживаю дыхание от волнения и машинально хватаю Игната за руку, сжимая её под столом.

Глава 12

— Сегодняшнее задание… — ведущий выдерживает паузу, словно дирижёр перед последним взмахом палочки. У меня сердце стучит, как барабан, заглушая шум вокруг. Я краем глаза смотрю на Игната. Он сосредоточен, глаза прикованы к сцене. — Итак! Сегодняшнее задание: три блюда! Первое: салат. Второе: горячее блюдо из рыбы. И третье: десерт, в котором ключевой ингредиент — цитрус. У вас есть ровно один час. Время пошло!

Как только объявляют старт, шатёр оживает, как растревоженный улей. Повара бросаются на кухни, официанты выстраиваются в линию, администраторы отслеживают каждую мелочь. Ветер с моря приносит запах соли, солнце играет бликами на белых тканях шатров. Природа размеренна, пока у нас тут разворачивается сцена большого гастрономического сражения.

Мы с Игнатом направляемся к нашей летней кухне. Все повара в сборе. Шеф отдаёт команды:

— Салат делаем из печёной свёклы, козьего сыра и грейпфрута. Маша и Лёня, на вас. Рыбу берём дорадо, фаршированную травами и лимоном. Гриша, с тебя рыба. Арсений, что у тебя по цитрусовому десерту?

Арсений засучает рукава.

— Цитрусовые тарталетки с лимонным курдом и ванилью. Сделаю поднос. Нужно минут пятьдесят. Успею.

— Отлично! — Игнат кивает. — Приступаем.

Все расходятся по местам. Работа закипает.

Главенство над готовкой берёт шеф, а мы с Игнатом отходим в сторону, чтобы наблюдать. Повара работают слаженно, как музыкальный ансамбль. Маша нарезает свёклу тонкими ломтиками. Лёня осторожно выкладывает козий сыр, формируя мягкие облачка. Гриша работает с рыбой: натирает её специями, фарширует тимьяном, розмарином и лимоном, потом аккуратно укладывает на решётку и отправляет в духовку. Время от времени проверяет температуру, наклоняется, слушает, как шипит сок в фольге.

Арсений работает с улыбкой на лице. Он неспеша месит тесто для тарталеток, а потом взбивает лимонный курд. Кажется, его совсем не волнует утекающее время, работа у него идёт ровно, без суеты, будто он делал это тысячи раз. Не зря Игнат так хотел заполучить его в штат.

Вообще, вся работа на кухне движется слаженно, ритмично. Время идёт, но наша команда уверенно держит темп. До конца остаётся полчаса, а салат уже украшают. Даже рыба почти готова. Всё под контролем.

Я продолжаю наблюдать за процессом, а у Игната в это время звонит телефон. Он выходит на улицу. И я замечаю, как он отходит подальше к кромке моря, где волны касаются берега. Проходит пять минут, и я краем глаза вижу, как он смеётся. Его лицо расслаблено, он склоняет голову к плечу, и продолжает что-то рассказывать с улыбкой.

Я не знаю, что мною движет, но я решаю подойти к нему. Скажу, что рыба почти готова. Всё же, у нас тут разгар важного конкурса, а он ушёл с кем-то мило беседовать.

Подхожу и получается не специально, но я подслушиваю последние слова:

— Ну, я же не мог тебе отказать… Конечно, с радостью. — Игнат бросает взгляд на меня и добавляет: — До встречи.

Я точно слышу, что голос в трубке женский. Она хихикает и что-то мило ему отвечает.

Игнат улыбается её словам, а потом сбрасывает звонок и смотрит на меня недовольно.

— Что такое?

Я замираю на секунду, и сдержанно говорю:

— Я хотела сказать, что рыба готова. Но вижу, что тебе не до этого. Отличный момент для флирта, Славинский. Очень по делу.

Он вскидывает брови.

— Это что, ревность?

— Нет. — Я резко выпрямляюсь. — Но ты же можешь всё испортить, если кто-нибудь услышит. Тут люди повсюду, камеры…

— У меня всё под контролем, — холодно отвечает.

Я сжимаю губы, разворачиваюсь и иду обратно на кухню. Слышу, что Игнат идёт за мной. Мы даже не смотрим друг на друга и не произносим больше ни слова.

У меня внутри напряжение, как перед грозой. С кем он говорил?.. И правда, зачем я влезла? У него наверное есть много женщин, с которыми он встречается, когда ему это нужно. Всё же он мужчина, у него потребность. А я… у нас же с ним всё фиктивно. Он мне ничем не обязан. Я это понимаю. Но всё равно мерзко.

Мы заходим обратно на кухню. Работа идёт по плану. Арсений аккуратно выкладывает свежие тарталетки на поднос у окна. Я наблюдаю за процессом, пытаясь переварить осадок после перепалки с Игнатом. И тут…

Случается катастрофа.

Маленький вихрь в виде чихуахуа запрыгивает на стол и с радостным писком вгрызается в пирожные.

У меня сердце уходит в пятки.

— Федя, нет! — кричу я.

Арсений тоже замечает собаку, и мне кажется, я вижу, как у него волосы на голове встают дыбом.

— Нет! — орёт он и пытается прогнать чихуахуа. Та срывается с места и переворачивает весь поднос.

Десерты летят на пол, разбиваются, расплющиваются просто в смятку…

Всё.

Конец.

Мгновение… и будто шторм прошёл через нашу кухню. В сердце леденящая пустота. Мы проиграли.

Игнат стоит рядом со мной, чуть позади, и я даже боюсь посмотреть на него.

На кухню заходит Жабина. Она осматривает разбитые пирожные, едва скрывая злорадство на лице. А потом подхватывает свою собачку на руки и сюсюкает:

— Ах, Федюша, что ты наделал… Простите-простите, вечно он ворует сладенькое…

Я не оборачиваюсь нащупываю руку Игната и чувствую, как напряжены его мышцы. Он делает шаг вперёд. Его пальцы сжимаются в кулаки.

— Виктория Алексеевна! — Он смотрит на Жабину, будто прожигает в ней дыру.

Я удерживаю его за руку. Сжимаю изо всех сил и шепчу:

— Не надо, пожалуйста. Тут камеры.

Он замирает. Задерживает дыхание. Потом выпрямляется, не отрывая взгляда от женщины, и говорит спокойно:

— Следите лучше за своей собакой.

Жабина кивает с притворным раскаянием и уходит.

— Стерва! Она это специально! — возмущается Маша, чуть не плача.

Кухня, как поле после битвы. Арсений собирает с пола тарталетки, которые уже не спасти. Остальные стоят молча. Не хватает только траурной музыки.

Но у нас ещё есть пятнадцать минут.

— Игнат, мы не сдадимся, — говорю я и отпускаю его руку.

Подхожу к варочной панели, хватаю кастрюльку и говорю:

— Сахар, вода, лимонная кислота. Быстро!

В моём детстве мы с бабушкой частенько делали леденцы в духовке. Дело нехитрое, получается вкусно и много времени не занимает. Столько раз я обжигала об эти леденцы язык, когда тянула их в рот не остывшие; я обожала их сладкий с кислинкой вкус, и отлично набила руку в их приготовлении.

— Что ты делаешь? — Славинский смотрит на меня с вопросом.

— Леденцы, — вместо меня отвечает Арсений. В его глазах вспыхивает огонёк. — Хорошая идея! Может сработать.

Засыпаю сахар в кастрюлю. Игнат мотает головой:

— Мы не успеем. Да и что это за десерт такой?

— Но мы хотя бы не проиграем всухую, — твёрдо отвечаю я.

Славинский закрывает глаза и трёт переносицу.

— Ладно. Делай.

Когда сироп готов, выливаем его на пергамент кружочками, Арсений вставляет палочки. Противень в духовку. Молимся. Минуты летят, как секунды.

Остаётся минута. Мы вынимаем леденцы, быстро отделяем их от бумаги и выкладываем на белую тарелку, украшая цедрой лимона.

Всё. Время вышло.

Мы все перемещаемся в главный шатёр, пока официанты подают блюда экспертам. Наш салат, будто весна на тарелке. Дорадо благоухает лимоном. Даже леденцы на скорую руку выглядят симпатично — блестящие, янтарные, искрятся на солнце, будто осколки заката.

Наблюдаю, как в это же время подают блюда Империала. У них большие, красные тарелки. Салат, собранный горкой. Жареная рыба с головой, окружённая белыми шариками, и десерт — кокос, набитый апельсинами с кремом. Очень недурно. Мы были бы наравне, если бы не подстава с десертом. А теперь…

Теперь у меня холодеют пальцы на руках, несмотря на жару. Потому что я знаю: эта победа очень много значит для Игната. Это его репутация, его авторитет перед сотрудниками и… перед родителями. Мама и папа сейчас наблюдают за происходящим со своего столика, строя на лицах добродушные улыбки… Но, я заметила, что они почему-то очень рассчитывают на стопроцентную победу Игната, даже давят на него, будто без этого конкурса к ним в отель перестанут приезжать гости.

Когда официанты ставят на стол последние тарелки, все голоса стихают.

Эксперты оглядывают поданные блюда.

Один из них морщит лоб.

Другой подносит к носу наш леденец, нюхает и что-то шепчет коллеге.

А потом они берут вилки.

Я замираю.

Если они сейчас покачают головой — мы проиграли.

И тогда всё полетит к чертям.

Глава 13

Эксперты подносят к губам вилки. В шатре воцаряется тишина. Кажется, что даже чайки утихли над морем, и тоже напряжённо чего-то ждут.

Мы сидим за нашим столом. Я, Игнат и его родители. Перед нами тарелки, но никто не ест. Все глаза прикованы к экспертам, их строгим лицам, к движению вилок и ножей и тихому перешёптыванию.

Я краем глаза смотрю на Игната. Он неподвижен. Словно высечен из камня. Руки сцеплены в замок на коленях, спина прямая, выражение лица нейтральное, почти отстранённое. Но я знаю — знаю, что внутри у него сейчас шторм. Он весь натянут, как канат, перекинутый над пропастью. Стоит ещё хоть немного потянуть, и оборвётся.

А я… Я будто стою на этом канате рядом с ним. Без страховки.

Эксперты пробуют салаты. Потом рыбу. На миг останавливаются. Кивают. Перешёптываются.

— У Империала красиво подано, — тихо говорит мама Игната. — Но… перебор с соусом.

Отец только хмыкает, чуть качнув головой. Игнат не реагирует. Он в броне. Но я вижу, как его пальцы чуть сжимаются.

Наконец, доходит очередь до десертов. Наши леденцы блестящие и хрупкие, как стекло. Эксперты смотрят на них долго, почти придирчиво.

И тут к одному из экспертов подходит мужчина в чёрной форме. Он что-то шепчет ему на ухо. Эксперт слушает, а потом бросает взгляд в сторону Империала.

Я прослеживаю за этим взглядом и понимаю, что он смотрит на Жабину. Она сидит с наигранной невинностью, держа на коленях свою чихуахуа в стразах. Улыбается. Наблюдает.

У меня к щекам приливает жар. Почему-то мне кажется, что этот человек рассказал эксперту о происшествии на кухне. Про испорченный десерт и приготовление нового в последние десять минут. Засчитают ли нам его?

Я, затаив дыхание, наблюдаю, как эксперты пробуют леденцы. Одна женщина с серебристыми волосами чуть хмурится. Кажется, она шеф-повар какого-то ресторана. Не помню её имени. Мужчина в очках разгрызает леденец и кивает. Этого человека я помню. Его зовут Григорий. И он один из тех экспертов, что живёт в нашем отеле и проверяет всё изнутри… Ещё один мужчина едва прикладывает леденец к губам, будто делает это больше для вида, и возвращает его на тарелку нетронутым.

— Нам нужно время на совещание, — говорит Григорий.

И вот они отходят. Обсуждают, шепчутся, что-то пишут в блокноты. Мы сидим, слушая фоновую музыку и шум сердца в ушах. Я беру со стола дольку апельсина и съедаю её. Не могу столько нервничать. Так и с ума сойти можно.

Наконец, ведущий выходит к микрофону. Его голос звучит нарочито бодро:

— Уважаемые участники, момент истины! Сейчас мы узнаем оценки. Напоминаю: всего три категории: основное блюдо, салат и десерт. Начнём с основного блюда. Эксперты, поднимите карточки.

В ряд поднимаются таблички.

Лотос: 10 баллов.

Империал: 9 баллов.

Я замираю. Первая победа за нами. Смотрю на Игната. Он едва заметно кивает мне, а потом снова устремляет взгляд на экспертов.

— Отлично! А теперь салаты!

Лотос: 7 баллов.

Империал: 7 баллов.

Ох! Мы на один балл впереди! Я прикусываю губу.

Всё должен решить десерт!

И наш явно хуже.

Он простой… обычный. Неужели проиграем? Могут ли леденцы “на скорую руку” тягаться с десертом профессионального кондитера, который готовил его целый час?

Нет. Конечно, нет. Как ни горько это осознавать.

И всё равно остаётся какая-то надежда… Ну а вдруг? Вдруг они узнали, что Жабина нас подставила, и учтут это?

Ведущий затягивает паузу, будто нарочно. В этот момент мне почему-то очень хочется взять Игната за руку, но я сдерживаюсь. Даже для цирка не буду этого делать. Внутри ещё остаются отголоски какой-то глухой обиды. За его флирт с другой женщиной, когда неподалёку родители… и я… за его резкость в мой адрес. Он не обязан хранить мне верность, но уважать-то можно?

— Итак! Оценки за десерт! — объявляет ведущий.

Империал: 6 баллов.

Лотос: 6 баллов.

— И это значит… — ведущий делает театральную паузу, — с общим счётом в двадцать три балла против двадцати двух баллов… побеждает отель «ЛОТОС»!

Взрыв аплодисментов. Кто-то хлопает в ладоши стоя. Я вскрикиваю от радости, поворачиваюсь к Игнату, и он вдруг резко обнимает меня. Тепло, крепко. Словно сбросил панцирь. Он даже улыбается широко.

— Улыбайся шире, — шепчет мне на ухо.

И я улыбаюсь. Обнимаю его в ответ, и сердце болезненно сжимается. Ничего он не сбросил. Просто притворяется. Эти объятия — показные. Потому что мы оба играем свои роли. Это неискренне сейчас. Ну и что? Почему меня это волнует?

И всё равно в глубине души я радуюсь. За отель. За команду. За него.

Родители Игната встают. Мать сдержанно кивает:

— Молодец. Ты справился.

Отец пожимает руку сыну, а потом тянет его на себя и обнимает:

— Хорошая работа, Игнат! Достойно.

Он похлопывает сына по спине. Они смеются. Даже мама сдержанно улыбается.

— Последний шаг до победы, сын, — говорит она.

Это она про свадьбу. Торжественное мероприятие — самый важный этап конкурса. Нельзя списывать Империал со счетов. Хоть они и проиграли сейчас, они могут наверстать недостающие баллы за счёт мероприятия. А потом ещё будут итоговые оценки экспертов по окончании их проживания в отелях. Так что, хоть мы и впереди, расслабляться нельзя.

Интересно, захочет ли Игнат отметить сегодняшнюю победу?

Только я думаю об этом, как он снова отходит поговорить по телефону. На этот раз я не иду за ним. Родители уходят пообщаться с другими гостями, а я жду за столом, молча глядя в свою тарелку.

От лицезрения остывшей рыбы в лимонном соке меня отрывает голос:

— Передавайте Славинским мои поздравления, — неприятно протягивает Виктория Алексеевна, держа на руках Федю.

— Спасибо. Передам, — отвечаю, сглотнув ком в горле.

Она как-то натянуто улыбается.

— Только не радуйтесь раньше времени. Ещё не всё решено. — И уходит, не дождавшись моего ответа.

У меня по телу пробегает неприятная дрожь. Я даже начинаю верить в бредни Юли про дурной глаз Жабиной. Может, есть в этом доля правды? Неприятная тётка, жуть. Тут и никакой магии не нужно, чтобы понять — добра от неё не ждать.

Славинский возвращается к столу только через двадцать минут. Уже не улыбается, будто забыл о вырванной у Империала победе. Кто-то испортил ему настроение? Собеседник по телефону? Или Игнат и не радовался по-настоящему?

— Инесса, поехали. Я отвезу тебя домой.

Такого я точно не ожидала. Ну, домой так домой.

Я без слов поднимаюсь, беру сумочку и покорно иду за ним.

Мы едем вдвоём в его машине. Я украдкой смотрю на Игната, надеясь увидеть хоть что-то: волнение, радость, напряжение. Но он как закрытая книга.

— Спасибо, что выручила, — говорит он, наконец, сухим голосом.

— Пожалуйста, — тихо отвечаю.

Молчание. Машина мчит по шумным, жарким улицам, а у нас в салоне как-то тихо, холодно.

Славинский не смотрит на меня. Просто говорит:

— Сегодня не нужно ночевать у меня. Отмечать не будем. Дела. Завтра, как обычно, приходи на работу.

Я моргаю. Будто резко выключили свет. Вспоминаю наш поцелуй сегодняшним утром. Это было… что-то немыслимое, чего я и предположить не могла. А теперь Игнат будто забыл об этом. Будто и не было той искры. Просто ледяное безразличие. Но она точно была. Я же чувствовала…

— Хорошо, — выдавливаю из себя ответ.

Я думаю: может, он ведёт себя так из-за того, что я высказала ему за тот телефонный разговор с девушкой? Он злится на меня. Хотя я не сделала ничего такого уж плохого… Или сделала? Может, я слишком заморачиваюсь, пытаясь его понять, а на самом деле ему просто на всё плевать?

Когда машина останавливается во дворе моего дома, Игнат просто ждёт, пока я выйду.

— Пока, — шепчу после недолгой паузы.

— Пока, — отвечает, глядя перед собой.

Я выхожу, дверь мягко захлопывается, и он сразу уезжает.

Я открываю дверь подъезда. В руке зажата сумочка, в голове вихрь из мыслей.

Я согласилась на игру. Фиктивные отношения с моим боссом. С Игнатом Славинским. Сейчас думаю об этом и не могу поверить, что решилась на такое. Но хуже всего в этой ситуации — меня пугают собственные реакции на него. Мои чувства, которые возникают там, где их быть не должно…

Как не пострадать, если уже, возможно, поздно сдавать назад?

Глава 14

Вечер проходит дома. Без конкурсов, интриг и притворства. Без Игната.

Я включаю на маленьком телевизоре «Всегда говори “Да”» с Джимом Керри и ем только что приготовленный плов, стоя на кухне. Потом вдруг решаю, что квартира слишком пыльная, и начинаю убираться. Мою полы, протираю пыль, выкидываю ненужные бумажки и прочий хлам из ящиков. Не потому, что надо, а потому что не могу просто сидеть. Потому что в голове гудит, как в трансформаторной будке: «Почему он снова стал таким холодным и отстранённым?»

Фильм идёт фоном, Керри корчит гримасы, а я чищу плиту и чувствую, как меня изнутри, будто едкая химия, прожигает обида.

Наутро я надеваю светлую блузку, свою форму и каблуки. Собираю волосы в аккуратный хвост и еду в отель. Вдыхаю знакомый солоноватый воздух у входа, как будто снова примеряю на себя свою роль.

Утренние часы проходят спокойно. Оформляю на заселение новую гостью. Ей лет тридцать пять на вид, блондинка, вся в лёгком шёлке, с улыбкой, как у ведущей утреннего шоу. Глаза живые, любопытные.

— Вы всегда так улыбаетесь? — спрашивает она, принимая ключ.

— Стараюсь, — говорю с привычной вежливостью.

Она осматривается.

— У вас тут так хорошо. Я вот думаю, это владельцы всё так красиво придумали? Или у вас какой-то дизайнер?

Я на секунду теряюсь. Вроде ничего такого, но какие-то странные у неё вопросы. И смотрит девушка как-то оценивающе, с интересом. Будто не просто любопытствует, а наблюдает.

— У «Лотоса» свой дизайнер, — отвечаю с улыбкой.

В этот момент к стойке подходит Игнат. И не один. С ним его родители. Я машинально выпрямляюсь, хотя и так не сутулилась. Спина как струна. В горле образуется ком. Желаю странной гостье хорошего отдыха, беллбой забирает её чемодан, и они уходят.

— Доброе утро, — говорит мать Игната. Голос у неё ровный, а взгляд пристальный.

— Доброе, — киваю я, сдержанно улыбаясь.

Оля с Юлей переглядываются, и тут же исчезают за дверью в комнату отдыха. Оставляют нас одних, как по команде.

— Мы узнали, — говорит отец Игната, — что идея с леденцами была твоя. Это было... умно.

— И неожиданно, — добавляет мама. — Немногие в такой ситуации действуют хладнокровно.

Я улыбаюсь. Не потому, что надо, а потому что хочу.

— Спасибо. Я просто… хотела помочь.

— И помогла, — говорит Владимир Павлович. — Мы ценим такой подход к делу.

Я украдкой бросаю взгляд на Игната, и он едва заметно кивает мне, как бы говоря, что я всё делаю правильно.

Ох! Приятно. Ничего не скажешь.

И всё. Больше никаких любезностей или обнимашек. Главное, я услышала в голосах Славинских одобрение. Невыраженное, но настоящее. И от этого в груди разливается тепло. Наверное, потому что я знаю, как мало они говорят просто так.

Родители уходят, и остаёмся только мы с Игнатом. Он смотрит на меня чуть внимательнее, чем обычно.

— Как дела?

— Хорошо, — отвечаю с улыбкой.

— В отеле всё спокойно?

— Да, — киваю. — По крайней мере, я ничего не видела. Только… Знаешь, вот эта гостья, которую я только что оформила... Не знаю. Что-то с ней не так.

— Гостья как гостья, — хмурится он. — А что тебя смутило?

— Ну… Слишком любезная. Слишком интересуется всем. Не знаю, может, это эксперт под прикрытием?

Игнат хмыкает.

— Не должна быть. Все эксперты живут у нас открыто.

Я киваю.

— Ну ладно. Как знаешь.

Игнат задерживает на мне взгляд, будто раздумывает и говорит:

— Продолжай работать. Утром после смены отвезу тебя домой.

— Хорошо. Спасибо.

Он уходит в сторону своего кабинета. А я остаюсь в смешанных чувствах. Что между нами происходит?.. Я не могу понять, как Игнат ко мне относится.

Юля и Оля возвращаются, не скрывая улыбок.

— Ну что? — шепчет Юля. — Славинский соскучился по своей невесте?

— Отстань, — усмехаюсь.

Оля спрашивает:

— Заселила мадам? — явно намекая на странную гостью.

— Да.

— Не люблю таких, — фыркает она.

— Почему?

— Потому что в лицо улыбается слишком приторно.

Я ахаю.

— Вот и я заметила.

Оля кивает с видом знающего человека:

— В лицо она тебе улыбается, а потом отзывов отстойных напишет, не отмоемся.

— Блин. Не хотелось бы. Ну, у нас всё идеально. И придраться не к чему.

— Ой, ладно вам, девочки, — вклинивается Юля. — Что вам эта тётка сдалась? Инесс, ты лучше ещё про кейтеринг расскажи. — Она облокачивается на стойку, подперев рукой подбородок, и с интересом смотрит на меня. — Жабина не раздулась от злости, когда после её выкидона с десертом мы всё равно победили?

Я хихикаю.

— Раздулась. Бедная чихуахуа аж заныкалась с головой в сумку.

Мы смеёмся.

Хорошо, что есть девчонки. Можно хоть немного отвлечься от мрачняка в голове.

Ночью смена проходит тихо. Мне удаётся поспать три часа.

Просыпаюсь с чувством, будто меня переехал грузовик. Губы сухие, тело ломит, в глаза будто песка насыпали. Пью чёрный кофе и потихоньку оживаю.

Когда сдаю смену, в лобби меня уже ждёт Игнат. Он подставляет мне руку, беру его под локоть, и вместе мы выходим из отеля. Садимся в его машину. Серебристый двухместный “Порше”.

Мы едем быстро по довольно свободным улицам, и я ощущаю, как молчание становится всё тяжелее с каждой минутой. Будто в отеле всё было идеально для вида, а сейчас, в реальности, где за нами никто не наблюдает, Игнат не скрывает своего безразличия.

Что случилось? Почему он снова стал таким? Может… он встретил кого-то? И теперь не знает, как быть со мной? Ведь у нас контракт, игра, свадьба.

Мы едем под звуки лёгкой музыки из динамиков. И вроде всё спокойно, но сердце почему-то бешено колотится в груди. Мне начинает не хватать воздуха. В груди становится тесно, будто внутри надувается воздушный шар и вот-вот лопнет. Перед глазами начинает плыть, как от жары. Мне душно. Слишком душно.

— Можешь... остановить? — прошу, тихо, хрипловато. — Мне нужно... на воздух.

Игнат бросает на меня взгляд. Резко, но не с раздражением, а с тревогой. Не спрашивая лишнего, включает поворотник и аккуратно съезжает к обочине. Машина плавно тормозит.

Я открываю дверь, почти вываливаюсь наружу, опираюсь на дверцу и глубоко вдыхаю. Раз, второй. Голова начинает немного кружиться, ладони всё ещё влажные, но мне получше.

Славинский выключает двигатель и тоже выходит. Молчит. Оглядывает меня оценивая.

— Стоять можешь? Не упадёшь?

Киваю.

— Я сейчас.

Он быстрым шагом куда-то уходит. А я продолжаю дышать.

Через пару минут он возвращается. Молча протягивает мне бутылку воды с каплями, выступившими на пластике.

— Спасибо, — шепчу и медленно пью. Вода дарит долгожданную прохладу и расслабление, словно вымывает ком и тяжесть из груди.

Игнат внимательно смотрит.

— Лучше? — спрашивает спокойно.

— Да. Уже лучше. Просто устала. Перенервничала.

Мы возвращаемся в машину. Откидываюсь на спинку сидения. Игнат открывает окно. Едем плавно, не спеша. Славинский то и дело поглядывает на меня. И меня окончательно отпускает. Не знаю, что это было. Видимо, усталость накопилась.

Доезжаем до моего дома. Я уже тянусь к двери, как вдруг он говорит:

— Подожди. У меня для тебя кое-что есть.

Глава 15

Я замираю, ладонь на ручке машины. Оборачиваюсь. Смотрю на Игната в ожидании, затаив дыхание, как будто что-то важное должно прозвучать.

Он медленно достаёт что-то из внутреннего кармана пиджака. Лицо у него спокойное, но сосредоточенное, как будто он точно знает, что делает. В его пальцах — пластиковая карта. Он протягивает её мне.

— Это ключ-карта от моего номера, — объясняет спокойно. — Думаю, это логично в нашей ситуации. Можешь приходить, когда захочешь.

Я моргаю. Несколько раз. Сердце будто делает пол-оборота и зависает в воздухе.

Не знаю, чего я ожидала… Отстранённости? Ещё одного холодного прощания? А он... протягивает ключ. От своего номера. Не от дома. Не от сердца. А от люкса. Но всё равно. Он допускает меня в своё личное пространство. Это ради легенды? Или что-то меняется?

Я принимаю карту.

— Хорошо. Спасибо.

Игнат кивает, и тут же, будто между делом, добавляет:

— И кстати, завтра у нас встреча с моими родителями. Идём на скачки на ипподроме.

— Должно быть интересно, — с улыбкой соглашаюсь я.

И напряжение улетучивается. Славинский не улыбается, но я будто кожей ощущаю, что становится легче. Нет этого прежнего холода. Он сжалился, видя моё состояние? Или просто смог расслабиться?

И тут у меня вырываются слова, которых я сама от себя не ожидала.

— Хочешь подняться ко мне?

— Давай.

Он кивает, мы выходим из машины и идём к подъезду. А я поверить не могу, что предложила. И что он… согласился! Пока едем в лифте, думаю: ладно, это логично. Если он сделал шаг и дал мне ключ, пусть и от номера, я тоже могу сделать шаг и показать, как я живу.

Открываю дверь квартиры и приглашаю его внутрь.

— Не суди строго, — говорю я и мысленно радуюсь, что в выходной устроила генеральную уборку.

Игнат осматривается. Я замечаю, как он проводит взглядом по стенам со старенькими обоями в цветочек, по цветастым занавескам, по дивану с аккуратно разложенными подушками. Его взгляд задерживается на деревянной полке, где стоят книги, пара свечей и глиняная фигурка кота.

— У тебя очень мило, — говорит он. — По-настоящему уютно.

— Спасибо.

Я улыбаюсь. Гордость, как солнечный луч, пробегает по коже. Особенно когда Игнат подходит к стене с моими рисунками.

— Это же витраж собора Сент-Шапель? — Он кивает на большое полотно, вставленное в узкую деревянную раму.

Я киваю, внутренне ликуя, что он узнал.

— Да. Рисовала по фото. Он очень красивый.

— А сама там не была?

— Нет, — качаю головой. — Но хотела бы. Очень.

Он молчит, рассматривая ещё один рисунок, на нём витраж в виде красной розы, которую я вырисовывала почти месяц.

Пока Игнат осматривается, я иду заваривать чай. Потом ставлю вазочку с печеньем. И мы садимся за столом на кухне.

Он берёт чашку, делает глоток.

— Завтра на ипподроме будет просто светская встреча, — говорит он. — Но не забывай о нашей игре. Проявляй ко мне интерес, улыбайся, держи за руку.

— Я понимаю. Всё как обычно: взгляды, лёгкие касания и всё такое.

— Да. Ты хорошо справляешься.

Я киваю.

Потом Игнат начинает рассказывать про расписание ипподрома, про лошадей, про отцовские комментарии к скачкам… А я смотрю на него и понимаю, что не могу отвести взгляда. Мне нравится, как горят его глаза, когда он рассказывает, нравится звучание его голоса… Нравится, как он выглядит. Его лицо, его прямой греческий нос, идеальная линия губ, лёгкая щетина на мужественном подбородке. Его широкие плечи. Нравится, как ровно он держит спину. Как на нём сидит его костюм, будто с иголочки. Нравится, как Игнат едва заметно улыбается только краешками губ. Как он смотрит прямо в глаза…

И в этот момент я понимаю, что для меня это не просто договор. Мне всё проще играть, и всё сложнее думать о том, что будет, когда конкурс закончится…

Я понимаю, что начинаю тонуть в этих чувствах. Это приятно. Но и пугает в то же время. Потому что я не знаю, что чувствует он. И я не уверена, чувствует ли вообще.

Я отгоняю лишние мысли. Не время сейчас…

Наблюдаю за Игнатом, слушаю каждое слово и киваю. Сердце колотится, как маленький барабан, мозг будто затуманен. Я тянусь за своей чашкой, чтобы сделать глоток, но случайно смахиваю её.

Чашка падает на край стола. Чай выливается на клеёнку, и несколько капель успевают попасть на брюки Игната.

У меня сердце замирает.

— Прости!

Славинский резко встаёт. Смотрит вниз на пятнышки.

Я вскрикиваю и тут же хватаю салфетки с тумбочки. Опускаюсь перед Игнатом на колени и начинаю тереть брюки. В панике. Аккуратно, но настойчиво.

Вроде, получается… Надеюсь, что брюки отстираются. Не хотелось бы испортить ему костюм. Он, наверное, баснословно дорогой.

Я продолжаю тереть, и только через пару секунд до меня доходит, как это выглядит. Я, на коленях, почти прижимаюсь к его бедру, тру его штаны, а он… стоит, глядя сверху вниз...

Я поднимаю голову и встречаюсь с его взглядом. И он довольный, как у кота.

Мои щёки тут же вспыхивают. Я замираю. Салфетка в руке. Рука у его ширинки. И я чувствую, как она заметно натягивается.

Глава 16

Я смущённо отвожу глаза, так и продолжая стоять перед ним, и говорю, глядя в пол:

— Я... прости…

От волнения у меня сбивается дыхание. Я же совсем не такого эффекта добивалась. Я вообще не подумала, когда делала. Хочется провалиться сквозь землю. И в то же время… остаться именно здесь. С ним. В этой тишине и в этой странной близости.

Потому что, кажется, я начинаю влюбляться.

Я никогда в жизни не оказывалась в такой ситуации. Меня бросает то в жар, то в холод. Стыд и желание ходят по кругу внутри меня, как два танцора, никак не уступающие друг другу. Я поднимаю взгляд с замиранием сердца и встречаюсь с его внимательными глазами. В них — что-то хищное и уязвимое одновременно. И я ловлю себя на мысли, что мне безумно хочется, чтобы он потянул меня на себя и поцеловал.

Я убираю руку от его брюк и стараюсь не смотреть на внушительный бугор, натянувший ширинку. Мне бы подняться с колен, но я будто в оцепенении. Будто жду, что он сейчас что-то сделает, скажет. Сердце готово выпрыгнуть из груди. И в этот момент… Игнат отходит на шаг.

— Мне пора, — сдержанно говорит он. — Спасибо за чай.

Воздух резко становится таким, будто в квартире плюс сто градусов. Я поднимаюсь и меня немного ведёт. В висках начинает пульсировать, а по груди будто кипяток разливается. Мне хочется сгореть от стыда. Я... я его трогала, совершенно не подумав, а он… отошёл, отстранился, как от чего-то неприятного. А теперь уже обувается у входа.

Игнат поворачивается ко мне:

— Завтра за тобой заеду, — говорит спокойно и уходит, оставляя меня мучиться в догадках, что это только что было.

Я сажусь на диван. Сердце всё ещё колотится. В голове — вата. Мысли путаются, как провода. Он ушёл. Просто ушёл. Ни намёка на то, что он чувствует. Ничего.

А я? Я, кажется, впервые в жизни так близко подошла к границе между притворством и правдой. И сама не заметила, как перешагнула. Я влюбляюсь? Кажется, да. И от этого хочется и смеяться, и плакать.

День тянется медленно, тягуче, как мёд с ложки. Я ужасно хочу спать, но из-за урагана мыслей и чувств не могу этого сделать. Я брожу по квартире, пересматриваю свои вещи и понимаю: мне нечего завтра надеть. Будут скачки. Светская встреча. Я должна выглядеть идеально.

Захожу на сайт брендовой одежды и выбираю платье. Долго. Но, в конце концов, останавливаюсь на сливочном платье миди с вырезом лодочкой, тонким поясом на талии и мягкими драпировками на бёдрах. Оно простое, но элегантное. Женственное. Сдержанное, но не скучное. Доставку обещают к вечеру.

До позднего вечера так и не смыкаю глаз. Всё хожу, что-то делаю, рисую, перекладываю вещи. Потом приезжает доставка. Я осматриваю платье, но даже не примеряю его. Нет сил. Расплачиваюсь с курьером и, когда он уходит, наконец, ложусь спать.

Утром собираюсь на встречу. Делаю причёску — лёгкие волны, макияж — естественный, но с акцентом на глаза. И примеряю доставленное платье. К моему счастью, оно садится идеально. В нём я, как будто взрослее, увереннее. Мне нравится, как ткань скользит по коже. Как подчёркивает силуэт.

Смотрю на себя в зеркало и думаю, что мне хочется, чтобы Игнат оценил мой образ. Чтобы похвалил выбор платья или причёску.

Ровно в два звонит домофон. Я спускаюсь. Славинский ждёт у машины, в рубашке цвета шампань и кремовом костюме. Стильный, спокойный, безупречный. Будто с картинки дорогого журнала, где миллиардера фотографируют на фоне его яхты. В общем… как всегда.

Когда я подхожу, он оглядывает меня. Его взгляд скользит по платью, по волосам, по лицу. Задерживается на глазах…

— Ты прекрасно выглядишь, — говорит мягко.

Я улыбаюсь:

— Спасибо. Ты тоже.

В машине едем молча. Дует прохладный воздух из кондиционера. Я вдыхаю запах кожи и дорогого парфюма с лёгкими нотками ванили. Этот запах уже стал ассоциироваться у меня со спокойствием и лёгким напряжением одновременно. С Игнатом Славинским.

Я смотрю в окно, стараясь не выдать волнения. В груди щекочет от странного ощущения. Я никогда раньше не жила так. Не ездила на скачки, не бывала в фешенебельных ресторанах, не одевалась в брендовых бутиках и не каталась в таких дорогих машинах. С таким мужчиной.

А теперь… вся эта роскошь стала занимать немалую часть моей жизни. Чужая роскошь, в которую я неожиданно вписалась. Смогла бы я так жить на самом деле? Чувствовала бы себя комфортно?...

От мыслей отвлекает звонок телефона. Не моего. Игнат бросает короткий взгляд на экран и берёт трубку:

— Да.

Ему что-то говорят, он снова отвечает: “да”. Потом после паузы ещё одно: “да”. Он улыбается.

— Да, я тоже.

Я почти уверена, что слышу женский голос. Меня не должно это волновать. Нельзя подавать вида.

Пауза. Его голос остаётся ровным, но звучит чуть мягче:

— Да. Всё в силе. До встречи.

Он отключает звонок. Ничего не комментирует. А я, естественно, и не спрашиваю. Это не моё дело. Не в нашей игре.

Надо почаще себе это себе повторять. Может, тогда поверю.

Ипподром выглядит точно, как в старых фильмах о светской жизни: с широкими трибунами, белыми шатрами, развёрнутыми вдоль поля, аккуратными газонами и дорожками из светлой плитки.

В центральной части — закрытая ложа с панорамным обзором, для самых влиятельных гостей. Здесь напитки подают в бокалах с тонкими ножками, а официанты в перчатках двигаются бесшумно, будто парят над землёй.

Женщины сидят в элегантных платьях, а некоторые ещё и в шляпках. Мужчины — в костюмах, будто от-кутюр, кто-то даже в жилетах и с платками в нагрудных карманах. Всё сверкает: стекло, золото аксессуаров, лакированные туфли. Я стараюсь держаться уверенно, чувствуя себя гостьей в чужом, роскошном мире, в который меня пустили по особому пропуску.

Мы подходим в ложе к родителям Игната. Рядом с ними стоит пара: мужчина лет пятидесяти, брюнет с седыми висками, в жилете с тем самым платком в нагрудном кармане, а с ним молодая женщина, блондинка, скорее всего, его жена.

— Здравствуйте, — говорю, стараясь улыбнуться правильно.

Мать Игната кивает чуть напряжённо:

— Добрый день.

Отец реагирует немного теплее:

— Инесса, рад видеть.

Игнат представляет нас:

— Инесса, это Андрей Владимирович и его супруга Илона Максимовна.

— Очень приятно, — говорит женщина. — Можно просто — Илона.

— Очень приятно, — повторяю.

После вежливых приветствий мы все рассаживаемся по своим местам. Я оказываюсь с краю. Дальше сидит Игнат, потом его мама, отец и Илона с Андреем. С трибуны открывается вид на поле. Первый забег вот-вот начнётся. Я демонстративно беру Игната за руку. Глажу его по плечу. Он не отстраняется. А потом и сам обнимает меня за талию.

— Это же Славинский, — слышу за спиной чей-то шёпот. — Что за девушка с ним?

— Красивая, — шепчет кто-то другой.

Я не оборачиваюсь. Мало ли сколько ещё людей будут шептаться, не запоминать же каждого. И всё равно довольно улыбаюсь.

На поле выходят лошади с наездниками. Они выстраиваются в ряд, замирают. И… пускаются вперёд, поднимая клубы пыли. Бегут, как будто ветер наполняет их тела. Я смотрю, но меня это никак не трогает… Просто скачут.

— Ты когда-нибудь делала ставки? — спрашивает Игнат.

— Никогда.

Он улыбается уголками губ:

— Не советую начинать. Особенно здесь. Тут и без ставок адреналина хватает.

Пауза. Мы оба смотрим забег. Потом Игнат говорит:

— У меня раньше была лошадь. Когда мы с родителями ещё жили в Подмосковье.

— Правда?

— Угу. Нора. Вороная красотка с белым пятнышком на лбу. Была умной, но своенравной. — Он усмехается своим мыслям. — Упрямая. Как человек почти. Я её очень любил.

— Я думала, с лошадьми любовь на всю жизнь. Почему сейчас у тебя нет лошади?

— После того как Норы не стало… я больше не хотел заводить животных.

Я понимающе киваю. Кладу руку ему на колено. Молча. Просто чтобы поддержать, если ему тяжело вспоминать это. Игнат кивает мне в ответ, и его взгляд становится чуть теплее.

После первого забега родители Игната поднимаются, чтобы «проветриться». Илона и Андрей увлекаются разговором с кем-то из других гостей. Игнат тоже. А мне и сказать нечего. Я не понимаю ни в бизнесе, ни в скачках. Вижу, как он кивает кому-то, отвлекается, и чувствую себя лишней.

— Я тоже немного пройдусь, — говорю тихо и, не дожидаясь ответа, иду искать дамскую комнату.

Холодная вода освежает. Я смотрю на своё отражение в зеркале, делаю глубокий вдох и мысленно говорю себе: «Ты прекрасно справляешься. Всё хорошо».

Когда выхожу, слышу знакомые голоса где-то за углом. Останавливаюсь, но не выглядываю.

— Она меня раздражает, — отчётливо говорит Анастасия Егоровна.

Я не дышу. По позвоночнику пробегает холодок.

— Кто? — спокойно спрашивает Владимир Павлович.

— Инесса.

Сердце болезненно сжимается, когда слышу своё имя.

— Что она на этот раз сделала? — вздыхает он.

— Она… — Анастасия Егоровна делает паузу, будто набирает в грудь побольше воздуха, чтобы всё высказать.

А я стою, прижавшись к холодной стене, и вдруг понимаю: для меня это не только игра. Это уже моя жизнь. И слова “свекрови”, хоть и в кавычках, могут больно ранить.

Глава 17

— Она, — говорит Анастасия Егоровна, — снова вешается на нашего сына так, будто хочет отработать каждый рубль, что он в неё вкладывает.

Пауза.

— Они молодые, у них самый расцвет влюблённости сейчас. Что ты хочешь?

Поверить не могу… Владимир Павлович за меня заступается?.. Ого!

— Она могла бы быть посдержаннее.

Значит, вешаюсь я на Игната? Знала бы она, что он сам просил… Ну что ж… Значит, выглядим мы правдоподобно. Хотя про отработку каждого рубля обидно.

— Да и простушка она какая-то без амбиций, — всё с тем же пренебрежительным тоном продолжает она. — И лоска в ней нет.

— Ты тоже была такой. Вспомни.

Анастасия Егоровна охает, будто задыхаясь от возмущения.

— Не сравнивай! Когда мы с тобой встретились, я уже была леди. И у меня была карьера и амбиции. А у неё что за амбиции? Получить карьеру через постель?

Всё… больше не могу это слышать. Вроде всё игра… Но неприятно по-настоящему. Губы начинают дрожать. В носу щиплет. Я слышу шаги, приближающиеся в мою сторону, и, не зная, куда деться, снова ныряю за дверь уборной.

Смываю выступившие капельки слёз под глазами и стараюсь дышать глубоко и ровно, чтобы успокоиться. Простушка я, значит?.. В её глазах. А в глазах Игната?.. У меня и правда нет такого лоска, как, например, у Киры. Неужели теперь каждый второй, кто видит меня под руку со Славинским, захочет меня отчихвостить? И на работе тоже. А может, они уже это делают? Просто в лицо не говорят.

Подправив макияж и отдышавшись, я выхожу в коридор. Иду обратно к трибуне и за одним из поворотов вижу Владимира Павловича. Он стоит один. В углу у окна. Поправляет свою штанину. Причём как-то резко, нервно, будто он раздражён. Он замечает меня и кивает просто из вежливости. Я решаю подойти.

— Я возвращаюсь в ложе. Скачки вот-вот начнутся, — говорю я, не знаю зачем.

— Я скоро тоже буду.

Опускаю взгляд на его штанину и вижу, что она порвана. Разошлась по шву сантиметров на десять вверх. Он следит за моим взглядом и говорит, недовольно хмурясь:

— Зацепился за выступ и порвал. Как теперь в таких брюках к людям выйти…

Вопрос риторический. В голосе у Владимира Павловича раздражение.

— Домой всё-таки поеду. Инесса, ты можешь предупредить моего сына, что мне пришлось уехать по срочному делу? И пожалуйста, никому ни слова об этом.

Да уж. К элите в нарядах от-кутюр в рваных штанах не выйдешь. Потом ещё долго обсуждать будут.

— Я могу помочь. Штанина совсем чуть-чуть разошлась. Брюки тёмные, ткань фактурная. Можно аккуратно скрепить, никто не заметит.

— Как скрепить? — он горько усмехается и качает головой.

Я снимаю с внутренней части платья в области воротника булавку. Привычка, доставшаяся от бабушки. Я в порчу не верю, но всё равно ношу. Просто… так спокойнее.

— Секунду. — Я сажусь на корточки, соединяю две части штанины и закрепляю их булавкой с внутренней стороны. Потом поднимаюсь и осматриваю результат. — Не видно. Совсем. Сами посмотрите.

Он придирчиво осматривает штанину и хмыкает.

— И правда.

Владимир Павлович растягивается в улыбке.

— Спасибо, Инесса. Ты настоящая кудесница. Надеюсь, до конца скачек продержится.

— Да не за что. Продержится, — отвечаю, чувствуя жар, приливший к щекам.

Мы вместе возвращаемся в ложе как раз к началу нового забега. Нас встречают удивлёнными взглядами из разряда: “вы куда пропали?”. Владимир Павлович просит Игната поменяться местами и садится рядом со мной. Теперь я посередине, Игнат справа от меня, а Владимир Павлович слева. Нащупываю руку Игната и беру её в свою. Если Анастасия Егоровна это видит, ну и пусть.

— За какую лошадь болеешь? — тихо спрашивает меня папа, когда лошади выходят на поле.

— Ни за какую, — немного растерявшись, отвечаю я. Первый раз Владимир Павлович проявляет инициативу в общении со мной.

— Так неинтересно смотреть. Надо за кого-то болеть. — Он кивает в сторону поля. — Выбери любую, какая приглянется.

Я решаю последовать совету. Внимательно оглядываю лошадей. И среди всех замечаю одну самую резвую, она топчется с ноги на ногу, будто ей не терпится рвануть вперёд. Чёрненькая с белым пятнышком на лбу.

— Вот эта. Под номером восемнадцать.

Игнат мягко сжимает мою ладонь. Я улыбаюсь. Владимир Павлович кивает с видом человека, знающего дело.

— А у тебя глаз-алмаз. Это Рыська.

— Рыська? Какое милое имя.

— В прошлом году эта лошадь выиграла на скачках в Краснодаре. У неё есть все шансы. Если обойдёт Шторма, здешнего чемпиона. Вон он, под номером шесть. — Он кивает на крупного чёрного коня, который пыхтит носом и кажется, тоже настроен по-боевому.

Теперь мне и правда хочется болеть за Рыську, когда я знаю о ней чуть больше.

Отсчитываются секунды и… забег начинается.

Лошади срываются с места с такой стремительностью, что у меня перехватывает дыхание. Земля будто гудит от ударов копыт: мощных, слаженных, ритмичных. Я слышу, как зрители по бокам ахают, шум трибун нарастает, и невольно подаюсь вперёд. Всё во мне замирает.

— Где она? Где Рыська? — шепчу, вглядываясь в бегущую группу.

— Вон! Между восьмым и седьмым, видишь белую отметину на лбу? — подсказывает Владимир Павлович, подаваясь вперёд. Он будто сам сейчас там, на треке, вместе с жокеем.

Я слежу за Рыськой. Она идёт наравне, но немного сзади. Обгоняет одного, второго… Резкая, стремительная, она будто не скачет, а летит. Жокей на ней — маленький, но цепкий, сидит низко, наклонён к шее. Всё происходит так быстро, как вспышка.

Шторм лидирует. Его мощная спина уходит вперёд, а Рыська нагоняет. Но тут она чуть-чуть сбивается на повороте, и я непроизвольно вскрикиваю:

— Давай же! Ну давай, малышка! — и сама не узнаю свой голос.

Игнат оборачивается, удивлённо, но с теплотой. Владимир Павлович тихо смеётся:

— Вот, уже и болеет.

Последний участок — прямая. Публика ревёт. Кто-то встаёт, кто-то снимает на телефон. Рыська и Шторм идут нос к носу. Их почти не различить. Мышцы под шкурами перекатываются, будто в замедленной съёмке. Рыська рвётся вперёд, ещё чуть-чуть… ещё…

И вдруг… как будто вспышка света — она вырывается первой. Полкорпуса. Всё! Финиш!

— Дааа! — я вскрикиваю и вскидываю руки. — Ура! Ура! Она выиграла!

Слышу, как Владимир Павлович смеётся рядом и подставляет мне ладонь, и я, не раздумывая, хлопаю по ней.

— Вот это победа! — говорит он с азартом, почти по-мальчишески.

Игнат тоже встаёт и обнимает меня. Будто и он болел за Рыську. А может, так и было… Обнимает тепло, крепко. Я чувствую, как его пальцы сжимаются у меня за спиной. И неважно, что всё это притворство. Сейчас это по-настоящему. Сердце колотится, как после скачки.

Я оборачиваюсь через плечо и замечаю, как Анастасия Егоровна натянуто улыбается. Слишком идеально, будто репетировала перед зеркалом. Она делает шаг вперёд и кивает мне:

— Рада, что ты втянулась.

Её голос почти дружелюбный. Почти. Но мне хватает и этого. Я всё равно улыбаюсь в ответ.

После скачек и светских бесед, которые я только слушаю, мы провожаем родителей до машины. Анастасия Егоровна улыбается чуть более дружелюбно, чем обычно, и это почти тревожит. Владимир Павлович хлопает меня по плечу, и это даже приятно. Наверное, скачки всех немного расслабили.

— Мы, пожалуй, прогуляемся, — говорит Игнат, оборачиваясь к родителям. — Проветримся.

— Не замёрзните, — бросает напоследок мама.

Они садятся в машину, водитель закрывает за ними дверь, и через мгновение они растворяются в потоке дорогих авто. Мы же возвращаемся к своей, и я по инерции иду рядом с Игнатом. Только вот он не берёт меня за руку. Даже не смотрит.

На этот раз за рулём водитель. А мы с Игнатом садимся на заднее сидение. Атмосфера сминается, как бумажный стаканчик. Напряжение возвращается. Праздник закончился.

— Куда мы едем? — спрашиваю я, почти шёпотом.

Он смотрит в окно.

— Высажу тебя у торгового центра, — говорит ровно и сразу становится понятно, что улыбки и объятия на скачках были только для родителей. — Погуляй там. Займись чем-нибудь. Обновок себя накупи, как хочешь. В отель возвращайся после восьми. Ты давно у меня не ночевала.

Мир будто глохнет на секунду. Я сижу, не зная, как реагировать. Все эмоции запутались в груди в тугой комок. Хочется что-то ответить, но я не знаю что. Я же правда думала, что мы… сближаемся. Но, видимо, нет.

Игнат молчит, перелистывая что-то в телефоне. Через пару минут звонок. Он отвечает куда приветливее, чем говорил со мной:

— Да. Я уже еду.

Я смотрю на него. Он не говорит, куда собирается. Но я и так начинаю догадываться. Водитель поворачивает к ТЦ. Машина останавливается. Игнат даже не смотрит на меня.

— Всё. Можешь выходить, — спокойно говорит он и называет адрес модного клуба, куда нужно ехать дальше.

Я выхожу. Дверь закрывается.

Стою на парковке и гляжу на уезжающий автомобиль. Неужели всё так, как мне кажется? Он едет отдыхать в клубе с другой женщиной, а меня попросил погулять, чтобы родители ничего не поняли?

С трудом захожу внутрь торгового центра. Хожу по бутикам, пытаясь отвлечься, выбрать себе что-нибудь. Примеряю блузку, потом платье. Покупаю себе новый комбинезон и лёгкую рубашку. Вещи для нашей игры. Пытаюсь заставить себя почувствовать хоть что-то приятное. Но вместо этого внутри только пустота.

После восьми вызываю такси и возвращаюсь в отель. В лобби меня встречают девчонки из другой смены. Среди них Алёна, которую я дважды подменяла.

— Инесса, мы идём на ужин, пойдёшь с нами? — спрашивает она.

— Нет. Спасибо, — тихо отказываюсь. — Не хочу.

— Ну конечно, — слышу, как она шепчет другой девушке, думая, что я не услышу. — Королевская особа с простыми смертными не ест.

Пальцы сжимаются в кулак. Я ничего не отвечаю. Просто иду к лифту. Пусть думают что угодно. У меня и правда нет аппетита. В горле только ком.

Открываю дверь в номер. Пусто. Игната ещё нет. Скидываю покупки на кресло, иду в ванную, умываюсь. Смотрю в зеркало: усталая, растерянная, чужая. Ложусь на кровать в пижаме и просто лежу, глядя в потолок.

Часы показывают почти половину одиннадцатого, когда дверь открывается. Шаги. Он входит. И сразу номер наполняется запахом парфюма и алкоголя.

Игнат смотрит на меня. В глазах у него лёгкость и веселье.

Да уж. Нагулялся. Теперь довольный.

Я поднимаюсь.

— Твоих родителей не видела, если тебе интересно. Надеюсь, они тебя тоже.

Приглядываюсь к нему, пытаясь понять его состояние.

Вместо ответа Игнат подходит ближе. В глазах танцуют искорки.

Мы стоим на расстоянии вытянутой руки. Игнат ровно, глубоко дышит и смотрит на меня с интересом. Понятия не имею, что в этот момент происходит у него в голове, но в следующую секунду он кладёт руки мне на талию и медленно притягивает к себе. Я так теряюсь, что не сразу понимаю, что происходит. А он наклоняется ко мне ближе и будто нюхает мои распущенные волосы. А потом… целует меня в шею.

По коже пробегает поток мурашек, приятных… до боли. Но я всё равно отстраняюсь.

— Ты что делаешь? — мой голос дрожит, но я стараюсь держаться ровно.

Он смотрит на меня игриво.

— Ты же этого хотела.

Я отступаю на шаг.

— Ничего я не хотела, — отвечаю с нажимом.

Игнат усмехается и качает головой.

— Не обманывай хотя бы себя, Инесса. Я помню, как ты тёрла мои брюки и хотела большего. У тебя всё по глазам было видно.

Он говорит медленно, лениво, будто устало, и я понимаю, что он точно пьян. Причём сильно.

— Ты не так меня понял, — мотаю головой.

Но он уже не слушает. Подхватывает меня за талию и кидает на кровать. Я упираюсь локтями в подушки.

— Ты получишь то, чего хотела, — говорит, подходя ближе и ослабляя галстук.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.